

Обзор дисциплинарной практики за второе полугодие 2020 года и 2021 год по вопросам, связанным с публичным (в том числе протестным) поведением адвоката при осуществлении профессиональной деятельности, а также в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

Второе полугодие 2020 года

1. Совет признал необоснованными все дисциплинарные обвинения, выдвинутые в отношении адвоката в частном постановлении судьи, и прекратил дисциплинарное производство.

Совет пришёл к выводу, что дисциплинарные обвинения в том, что адвокат нарушал установленный уголовно-процессуальным законом РФ порядок осуществления правосудия с участием присяжных заседателей, неоднократно допускал нарушения регламента и порядка в судебном заседании, создавал в зале судебного заседания обстановку нервозности, мешал суду и иным участникам судебного разбирательства всесторонне, полно и объективно исследовать имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, подрывал авторитет суда, не нашли своего подтверждения. Более того, Совет признал, что адвокат, несмотря на сложную, конфликтную ситуацию, создавшуюся в судебном заседании из-за воспрепятствования ему в осуществлении полномочий защитника, не позволял себе проявлений неуважения к суду.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 29 июля 2020 года, в действиях (бездействии) адвоката М. не обнаружено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, вследствие чего Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив Заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с её выводами, основанными на верно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в отношении адвоката М. в том, что последний, в ходе проведения с участием присяжных заседателей судебного разбирательства уголовного дела по обвинению Б. в нарушение положений ст. 252, 257, 258, 334, 335 УПК РФ, ст. 9, 12, п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной

этики адвоката, ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» нарушал установленный уголовно-процессуальным законом РФ порядок осуществления правосудия с участием присяжных заседателей, неоднократно допускал нарушения регламента и порядка в судебном заседании, создавал в зале судебного заседания обстановку нервозности, мешал суду и иным участникам судебного разбирательства всесторонне, полно и объективно исследовать имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, что негативно сказывалось на реализации сторонами принципа равенства прав по предоставлению и исследованию доказательств и нарушало предусмотренный законом разумный баланс процессуальных прав сторон, подрывало авторитет суда, не нашло своего подтверждения.

Так, дисциплинарное обвинение адвоката М. в том, что он «во вступительном выступлении заявил, что подсудимый Б. «однажды имел несчастье отвезти Х. от порога дома своего брата», пытаясь оказать незаконное воздействие на присяжных заседателей и создать у последних предубежденность к доказательствам, которые будут представлены стороной обвинения», не нашло своего подтверждения, поскольку этой фразой адвокат М. в действительности сообщил присяжным заседателям о том, что его подзащитный не был участником банды под руководством Х., что он видел последнего лишь один раз в жизни, описав обстоятельства этой встречи.

При этом Совет подчёркивает, что критика (в терминологии частного постановления – создание «предубежденности») доказательств стороны обвинения является неотъемлемой составной частью осуществления защиты по делам, в которых есть спор защиты и обвинения.

Дисциплинарное обвинение адвоката М. в том, что он «в ходе судебного следствия во время допроса 29 января 2020 года свидетеля И. предпринял попытку к выяснению роста указанного свидетеля, не реагировал на замечания председательствующего, пререкаясь, предложил поставить подсудимого рядом с допрашиваемым свидетелем для сравнения роста в присутствии присяжных заседателей, т.е. фактически разрешить вопрос процессуального характера, связанный с проведением следственного эксперимента», также не нашло своего подтверждения, поскольку такое поведение адвоката М. было направлено на визуализацию показаний свидетеля И., который ранее сообщал в своих показаниях, что лицо, убившее сотрудников правоохранительных органов на автомобильном рынке, было выше его ростом, тогда как рост подзащитного адвоката М. составляет всего 160 см.

Таким образом, этими действиями адвокат М. не пытался разрешить вопрос процессуального характера в присутствии присяжных заседателей, а реализовывал позицию защиты, указывая на явные противоречия в доказательствах обвинения, что никак не может быть поставлено ему в вину.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат М., «нарушая и далее регламент судебного заседания, игнорируя рассмотрение дел с участием присяжных заседателей, в тот же день в ходе исследования протокола

предъявления для опознания стал давать оценку данному доказательству, ставя его под сомнение и дискредитируя, сообщив, что свидетель И. фамилию подсудимого не сообщал», не нашло своего подтверждения, поскольку смысл заявления адвоката М. сводился к тому, что согласно исследованному протоколу предъявления Б. для опознания свидетелю И. последний в ходе опознания сообщил фамилию опознанного лица, тогда как в ходе допроса в судебном заседании тот же свидетель И. говорил, что он фамилию Б. ранее не знал, а узнал её от третьих лиц только после предъявления того для опознания.

Совет вновь подчёркивает, что задачей и обязанностью защитника в судебном заседании как раз и является указание на пороки доказательств обвинения и противоречия в них, в связи с чем такие действия адвоката, совершённые в надлежащей форме и в надлежащий момент, являются необходимыми и правильными.

Дисциплинарные обвинения в том, что адвокат М. «30 января 2020 г. в ходе исследования объяснения свидетеля Х. предпринял попытку доведения сведений о месте проживания подсудимого Б. и мобильном телефоне его племянника, осуществляя тем самым незаконное воздействие на присяжных заседателей», а также в том, что «в ходе допроса подсудимого, адвокат М., продолжая оказывать незаконное воздействие на присяжных заседателей, путем постановки вопросов, довел до сведения присяжных заседателей о семейном положении своего подзащитного», также не нашли своего подтверждения, поскольку в частном постановлении суда не указано, как сведения о наличии у подсудимого Б. жены и племянника и мобильном телефоне последнего были способны вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. При этом из выписки протокола судебного заседания усматривается, что допрошенные по данному уголовному делу в присутствии присяжных заседателей свидетели А., Т., Л., С., сообщая установочные данные, также доводили до присяжных заседателей сведения о том, что они женаты, и это обстоятельство не рассматривалось председательствующим как способное вызвать предубеждение присяжных в отношении них.

Дисциплинарное обвинение в том, что 03.02.2020 адвокат М. «в нарушение требований законодательства, регулирующего производство в суде с участием присяжных заседателей, желая оказать на них незаконное воздействие, при оглашении показаний свидетеля Ха. в нарушение распоряжения председательствующего о пределах оглашения протокола допроса указанного свидетеля довел сведения, связанные с выяснением наличия у подсудимого Б. кровной мести к сыну допрашиваемого свидетеля Х., хотя это обстоятельство не входило в предмет доказывания по делу и не подлежало обсуждению с участием присяжных заседателей», также не нашло своего подтверждения.

В соответствии с ч. 1 ст. 243 УПК РФ председательствующий обязан принимать все предусмотренные УПК РФ меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон. При этом факт наличия кровной

вражды между подсудимым Б. и Х. и обстоятельства ее возникновения входили в предмет доказывания по уголовному делу, поскольку имеют отношение к мотивам действий указанных лиц, и в силу этого подлежали исследованию судом с участием присяжных заседателей. Следовательно, указанные действия адвоката М. были направлены на реализацию подсудимым Б. права на защиту.

Совет также признает необоснованными дисциплинарные обвинения в адрес адвоката М. в том, что он допустил нарушение уголовно-процессуального закона при выяснении у свидетеля Ха. обстоятельств участия Б. в перестрелке, в ходе которой был ранен ее сын - Х., поскольку, Б. хотя и не обвинялся в участии в этой перестрелке, однако соответствующие сведения были изложены в показаниях Ха., данных ею на стадии предварительного следствия и оглашённых в судебном заседании. Кроме того, сторона обвинения не скрывала своего намерения использовать её показания против Б., что в дальнейшем и сделала, попытавшись вызвать у присяжных заседателей предубеждение к подсудимому.

Не нашло подтверждения и дисциплинарное обвинение в том, что «адвокат М. пререкался с председательствующим по поводу сделанного им разъяснения о том, чтобы присяжные заседатели не принимали во внимание показания допрашиваемого подсудимого в части его фразы о том, что он «в жизни курицу не резал», которые способны повлиять на вынесение присяжными заседателями вердикта». Адвокат М. был вправе возразить против указанных действий председательствующего судьи, поскольку обоснованно полагал, что ими нарушаются права его подзащитного.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат М., «опорочивая показания свидетеля С., которые являлись допустимым доказательством по делу, и оказывая незаконное воздействие на присяжных заседателей, стал выяснять, сможет ли последний «гарантировать, что через 13 лет даст те же показания»», не нашло своего подтверждения, поскольку этот вопрос адвоката был направлен не на признание доказательства недопустимым, а на обращение внимания присяжных заседателей на имеющиеся противоречия в показаниях свидетеля, и на обстоятельства проведения опознания подсудимого Б. по фотографии, сделанной спустя несколько лет после убийства военнослужащих, в целях последующей оценки указанных доказательств на предмет их достоверности.

Также материалами дисциплинарного производства установлено, что все указанные в частном постановлении случаи так называемого «пререкания» защитника представляли собой либо выяснение им у председательствующего мотива принятого последним решения о снятии вопроса защитника (например, вопрос свидетелю И. о его росте), либо выяснение обоснованности сделанного председательствующим разъяснения присяжным заседателям (образное изречение, как в случае с курицей), либо разъяснение позиции защиты о порядке исследования доказательств (предъявление в ходе допроса

подсудимого фотографии подсудимого, сделанной в период совершения инкриминируемого ему деяния).

Совет обращает внимание на то, что статья 257 УПК РФ не содержит запретов стороне судебного разбирательства задавать вопросы председательствующему, в том числе и для реализации стороной предусмотренного ч. 3 ст. 243 УПК РФ права заявлять мотивированные возражения против его действий. Такими действиями защитника, осуществлявшего свои полномочия всеми не запрещёнными законом способами, незаконного воздействия на присяжных заседателей не оказывалось, препятствий в проведении судебного заседания не создавалось.

Адвокат М., несмотря на сложную, конфликтную ситуацию, создавшуюся в судебном заседании из-за воспрепятствования ему в осуществлении полномочий защитника, не позволял себе проявлений неуважения к суду, обращаясь к председательствующему исключительно «Ваша честь».

Кроме того, в частном постановлении перечислены конкретные высказывания, произнесенные адвокатом М. в судебных заседаниях, и совершенные им действия, однако судья не указывает, положения каких именно норм уголовно-процессуального закона или законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре нарушает, по его мнению, каждое конкретное высказывание или действие адвоката, и почему именно.

В силу презумпции добросовестности адвоката бремя доказывания дисциплинарного обвинения возложено на лицо, по обращению которого возбуждено дисциплинарное производство, в данном случае – на судью Ю. окружного военного суда В. Однако к частному постановлению не приложен ни протокол судебного заседания, ни какие-либо иные материалы, подтверждающие выдвинутые дисциплинарные обвинения.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута, и им при обстоятельствах, описанных в обращении (частном постановлении) судьи, не допущено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. по обращению (частному постановлению) судьи Ю. окружного военного суда В. от 28 февраля 2020 года (вх. № ... от 03.04.2020) вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку адвокатом не было допущено высказываний, свидетельствующих о неуважении к суду.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 11 августа 2020 года дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев настоящее дисциплинарное производство, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии от 11 августа 2020 года и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве Ч. районного суда города Москвы находилось на рассмотрении уголовное дело № ... по обвинению И. и других лиц в совершении преступлений, предусмотренных частью 4 статьи 159 УК РФ. Защиту подсудимой И. осуществлял адвокат Р. на основании ордера от 24 октября 2019 года № ..., выданного Коллегией адвокатов г. Москвы «...».

В судебном заседании Ч. районного суда города Москвы 18 марта 2020 года проводился допрос потерпевшего З. Ход и обстоятельства допроса изложены в протоколе судебного заседания следующим образом:

«Вопросы адвоката Р. (в защиту И.) потерпевшему З.:

Вопрос: Как применяли капсулы?

Ответ: Запивал.

Вопрос: Что Вы дальше приобрели? Препарат?

Ответ: Препарат.

Вопрос: Сколько Вы употребляли капсулы?

Ответ: Капсулы были в баночках. Употреблял месяц, когда баночка кончалась, покупал еще капсулы. Микстуры были.

Вопрос: Сколько в общей сложности употребляли капсулы и микстуры?

Ответ: Не могу сказать. Прошло много времени. Я употреблял месяц, через месяц привозили другие капсулы. Я не компьютер, в голову себе не заносил. Не могу сказать точно.

Вопрос: Я могу записать себе от 2 до 5 месяцев, если Вы не против?

Председательствующий: Вы можете записать, но потерпевший указал, что не помнит.

Адвокат Р.: Человек приобретает, потом приобретает следующее.

Председательствуя разъясняет адвокату, что потерпевший уже ответил на вопрос, и просит адвоката продолжить допрос потерпевшего З.

Адвокат Р. перебивает председательствующего: А что нельзя задавать вопросы?

Вопросы адвоката Р. (в защиту И.) потерпевшему З.:

Вопрос: После капсул, которые Вы употребляете меньше месяца, Вы снова обращаетесь и что Вы снова приобретаете?

Ответ: Другие капсулы.

Вопрос: Просто капсулы?

Ответ: Да, потом через месяца 3-4 приобрел препарат.

Вопрос: *Как применяется препарат?*

Ответ: *Аппарат, который прикладывается к телу и мигает 4-5 минут.*

Вопрос: *Сколько во временном отрезке Вы пользовались аппаратом?*

Ответ: *10 сеансов, перерыв и еще 10 сеансов.*

Вопрос: *По времени не можете сказать?*

Ответ: *Не могу.*

Вопрос: *Когда появляется вакуумный прибор?*

Ответ: *Наверное, через 6 месяцев. Если бы я все записывал для дела.*

Председательствующий просит потерпевшего З. отвечать на вопросы, если потерпевший не помнит все обстоятельства дела, отвечать «не помню».

Потерпевший З.: *Я понял. Не помню в какой конкретный срок.*

Вопросы адвоката Р. (в защиту И.) потерпевшему З.:

Вопрос: *Далее Вы приобретаете таблетки?*

Ответ: *Таблетки, микстуры.*

Вопрос: *Вся процедура приобретения проходила в добровольном порядке?*

Ответ: *Добровольно, мне говорили, что мне поможет прибор.*

Вопрос: *Вы ни разу не отказывались от таблеток?*

Ответ: *Доверился врачу. Казалось, что так надо.*

Вопрос: *Вы можете назвать общий временной отрезок использования вместе с капсулами, вакуумными приборами?*

Ответ: *Не могу сказать. Может быть год. Нет, судья сказал правильно, если не знаешь, лучше ответить, что не знаю. Я не хочу обманывать. Не помню.*

Вопрос: *Вы понимаете, что это достаточно продолжительное время и у Вас не возникает никаких претензий. В принципе никаких ухудшений Вы не приобретали. Вот чем вызван мой вопрос. Судья то может сказать «говорите не помню».*

Председательствующий делает замечание адвокату Р. за фривольное поведение в судебном заседании.

Адвокат Р.: *Возражения на действия председательствующего! Он лишает возможности корректировать вопросы!*

Председательствующий предупреждает адвоката Р. о том, что в связи с его поведением в судебном заседании судом будет направлено соответствующее письмо в Адвокатскую палату г. Москвы, а также в компетентные органы государственной власти для рассмотрения вопроса о внесении представления с целью возбуждения дисциплинарного права.

Адвокат Р.: *Да? Я Вам отвод заявлю! Что значит письмо с представлением?!*

Председательствующий делает замечание адвокату Р. о недопустимости подобного поведения в судебном заседании. Отмечает, что адвокат во время допроса потерпевшего разговаривает со своим коллегой и невнимательно слушает показания потерпевшего, который ранее на аналогичные вопросы

ответил. Кроме того, предлагает адвокату, в связи с его репликой, заявить отвод председательствующему судье.

Адвокат Р.: *Кто Вам сказал, что мы бурно обсуждаем? Я внимательно слушаю показания.*

Председательствующий объявляет перерыв в допросе потерпевшего З. для направления письма в Адвокатскую палату г. Москвы в порядке ст. 258 УПК РФ в отношении адвоката Р.

Адвокат Р.: *Возражения занесите на Ваши действия!».*

Оценивая приведенные выше обстоятельства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии и ее правовым обоснованием. Квалификационная комиссия правильно руководствовалась общими положениями Кодекса профессиональной этики адвоката о том, что:

«Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии» (п. 1 ст. 4);

«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... уважать права, честь и достоинство... других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению» (п. 2 ст. 8);

«Адвокат не вправе: ...допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения» (пп. 7 п. 1 ст. 9);

«Участвуя в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду...» (ч. 1 ст. 12), «Возражая против действий (бездействия) судей..., адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ч. 2 ст. 12).

Анализируя приведенные в Представлении следующие выражения адвоката Р.: «*А что нельзя задавать вопросы?»*», «*Судья то может сказать «говорите не помню», «Да! Я Вам отвод заявлю! Что значит письмо с представлением?»*», «*Кто Вам сказал, что мы бурно обсуждаем? Я внимательно слушаю показания*», Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что поведение адвоката Р. 18 марта 2020 года в ходе судебного заседания Ч. районного суда города Москвы соответствовало деловому общению, и приходит к выводу, что адвокатом Р. не было допущено высказываний, свидетельствующих о неуважении к суду.

Приходя к указанному выводу, Совет учитывает, что приведенные выше фразы адвоката Р. неизбежно сопровождалось эмоциональными переживаниями, поскольку были произнесены им в условиях возникшего конфликта с председательствующим, который фактически давал указания потерпевшему З., как тому следует отвечать на вопросы защитника – адвоката Р., чем создавал препятствия последнему в выяснении значимых (по его мнению) для уголовного дела обстоятельств.

Применительно к остальным выражениям адвоката Р., Совет обращает внимание на то, что ст. 257 УПК РФ не содержит запрета участнику судебного разбирательства обратиться к председательствующему с просьбой об

уточнении принятого им процессуального решения или его повторения в случае, если внешние обстоятельства не позволяли расслышать или уяснить его в полном объеме. Подобное поведение защитника может иметь место, в том числе, в целях реализации права, предусмотренного ч. 3 ст. 243 УПК РФ, на заявление мотивированного возражения против действий председательствующего. При этом реализация защитником своих полномочий по заявлению возражений против действий председательствующего, очевидно, не может являться причиной для прерывания судебного заседания и не свидетельствует о ненадлежащем профессиональном поведении адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы единогласно решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р., возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 мая 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 18.05.2020), основанному на обращении судьи Черемушкинского районного суда города Москвы Л., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку адвокатом не было допущено высказываний, свидетельствующих о неуважении к суду.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 07.10.2020, адвокатом М. допущено нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве, ... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось во время заявления отвода председательствующему в судебном заседании в некорректном высказывании в отношении судьи Верховного суда ... Т. о том, что она «солгала» участникам судебного разбирательства о причине задержки начала судебного заседания по рассмотрению уголовного дела в отношении Ш. 07 февраля 2020 года.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. в части доводов обращений судьи Верховного суда ... Т. о том, что адвокат М. после объявления состава суда вступил в многочисленные пререкания с председательствующим, не реагируя на многочисленные замечания, а также о неявках адвоката М. в судебные заседания по рассмотрению уголовного дела в отношении Мус. 20 августа 2019 года, 02 сентября 2019 года, 16, 27, 28 января 2020 года, 04 февраля 2020 года, в связи с чем судебные заседания в указанные даты не проводились, и об отказе адвоката М. представлять доказательства стороны защиты при рассмотрении уголовного дела в отношении Мус. – вследствие отсутствия в

действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат М., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте заседания Совета, от участия в заседании отказался, обеспечив участие своего представителя – адвоката Му., который пояснил, что Заключение Квалификационной комиссии им и его доверителем получено своевременно, с Заключением они ознакомлены, с выводом о наличии в действиях адвоката М. дисциплинарного проступка не согласны, с остальными выводами полностью согласны.

Обосновывая позицию о несогласии с выводом Квалификационной комиссии, представитель адвоката М. – адвокат Му. отметил, что использованная адвокатом М. словесная форма выражения мнения в ходе процесса с применением слова «солгала» относилась к оценке действий председательствующего, указавшего, что задержка начала судебного заседания была вызвана несвоевременной явкой переводчика Д., тогда как всем участникам процесса было известно, что переводчик явился вовремя, а задержка начала заседания была обусловлена опозданием государственного обвинителя. К оценке личности председательствующего судьи данное слово не относилось.

Отвечая на вопрос членов Совета о возможном прекращении данного дисциплинарного производства в связи с истечением шестимесячного срока, в течение которого возможно привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности, представитель адвоката М. – адвокат Му. заявил, что желает рассмотрения данного дисциплинарного производства по существу и ходатайствует о вынесении решения о прекращении дисциплинарного производства по основанию отсутствия в действиях адвоката М. какого-либо дисциплинарного проступка.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав представителя адвоката М., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии от 07.10.2020 о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, в части доводов о том, что адвокат М. после объявления состава суда вступил в многочисленные пререкания с председательствующим, не реагируя на многочисленные замечания, а также о неявках адвоката М. в судебные заседания по рассмотрению уголовного дела в отношении Мус. 20 августа 2019 года, 02 сентября 2019 года, 16, 27, 28 января 2020 года, 04 февраля 2020 года, и того, что судебные заседания в связи с отсутствием адвоката М. в указанные даты не проводились, и об отказе адвоката М. представлять доказательства стороны защиты при рассмотрении уголовного дела в отношении Мус., так как эти дисциплинарные обвинения не нашли своего подтверждения в ходе рассмотрения дисциплинарного производства. В

Заклучении Квалификационной комиссии приведены надлежащие обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Одновременно с этим Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о нарушении адвокатом М. ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся согласно Заклучению Комиссии в неуважительном высказывании адвоката М. в отношении судьи Верховного суда ... Т. во время заявления ей отвода в судебном заседании о том, что она «солгала» участникам судебного разбирательства о причине задержки начала судебного заседания по рассмотрению уголовного дела в отношении Ш. 07 февраля 2020 года. Совет приходит к выводу о том, что Квалификационная комиссия, правильно установив фактические обстоятельства, допустила ошибку в правовой оценке поведения адвоката.

Совет признаёт установленным, что использование адвокатом М. слова «солгала» было допущено применительно к конкретному заявлению председательствующего судьи, сделанному в судебном заседании относительно опоздания в него переводчика. Это заявление являлось проверяемым на соответствие действительности, так как касалось факта, очевидного для участников судебного заседания, включая адвоката М.

При этом материалами дисциплинарного производства установлено, что утверждение председательствующего судьи Т. о несвоевременной явке переводчика Д. как о причине задержки начала судебного заседания очевидно не соответствовало действительности, так как переводчик явился в 10.00, то есть в назначенное ранее судом время начала заседания, присутствовал в зале, тогда как государственный обвинитель появился в зале суда только через 11 мин. 30 сек. Именно эти обстоятельства, во взаимосвязи с ранее (20 января 2020 года) имевшим место фактом недопуска председательствующим судьёй Т. адвоката М. в судебное заседание по причине его опоздания на 8 минут 47 секунд и рядом других обстоятельств, послужили основанием для заявления адвокатом М. отвода председательствующему судье Т.

Совет отмечает, что, как следует из протокола судебного заседания, адвокат М., характеризуя исключительно процессуальные действия председательствующего, использует разные синонимические выражения, а именно «неправда», «ложь», «введение в заблуждение», «солгала», которые не направлены на оценку личности судьи и не преследуют цели его унижения, а являются констатацией и оценкой факта определённых действий и заявлений председательствующего в судебном заседании.

Совет также отмечает, что данный факт и его оценка были приведены адвокатом М. как одно из оснований для заявления отвода председательствующему по причине очевидного недоверия судье, допускающему в судебном заседании заявления, не соответствующие действительности [Адвокат-защитник М.: - «Да, потому что Вы сказали неправду, а доверять судьбу своего подзащитного я не могу» - цитата из протокола судебного заседания от 07.02.2020, прим. Совета].

Этимологическое значение слов «лгать», «солгать» во всех толковых словарях формулируется одинаково – говорить неправду¹, говорить ложь². К числу слов оскорбительного, обценного характера эти слова со всей очевидностью не относятся. В контексте его использования адвокатом М. оно применялось исключительно для дополнения синонимического ряда, к словосочетаниям «сказать неправду», «сказать ложь».

С учётом изложенных обстоятельств Совет признаёт, что в сложившейся в судебном заседании 7 февраля 2020 года ситуации использование адвокатом М. всех этих выражений было обосновано происходящими в нём событиями, не нарушало требований законодательства и являлось не проявлением неуважения к суду, а допустимой формой выражения адвокатом М. своего отношения к процессуальному поведению председательствующего.

По этой причине Совет приходит к выводу о том, что использование адвокатом М. во время заявления отвода председательствующему судье Т. слова «солгала» применительно к не соответствующему действительности обоснованию судьей причины задержки начала судебного заседания 07 февраля 2020 года не образует нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, в связи с чем дисциплинарное производство и в этой части, вопреки Заклучению Квалификационной комиссии, подлежит прекращению по указанному основанию.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по обращениям судьи Верховного суда Т. от 17 февраля 2020 года (вх. № ... от 26.02.2020, вх. № ... от 26.02.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

4. Совет, согласившись с Квалификационной комиссией, прекратил статус адвоката за нарушение им требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В соответствии с Заклучением Квалификационной комиссии от 07.10.2020, адвокатом Д. нарушены требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в публичном сообщении им в период с 09 по 11 июня 2020 года сведений об имевшем место факте обращения к нему неустановленного лица за оказанием юридической помощи

¹ См. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой / Электронный ресурс // URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem4&wi=9874> (дата обращения 31.10.2020).

² Большой толковый словарь русского языка / Гл. Ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1988 / Электронный ресурс // URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%B%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения 31.10.2020).

Е., в условиях невозможности получения согласия доверителя (неустановленного лица) на разглашение адвокатской тайны, снабжённом высказываниями, пренебрегающими презумпцией невиновности и искажающими существо инкриминируемого Е. деяния.

В соответствии с тем же Заключением признаны подлежащими прекращению:

- дисциплинарное производство, возбужденное распоряжением Президента ФПА РФ от 26 июня 2020 года по представлению Первого вице-президента ФПА РФ С. от 19 июня 2020 года (вх. № ... от 29.06.2020), и дисциплинарное производство, возбужденное распоряжением

Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2020 года № ... по представлению Главного управления Министерства юстиции

Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020), в части доводов о нарушении адвокатом правил сохранения профессиональной тайны - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

- дисциплинарное производство, возбужденное распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2020 года № ... по представлению Главного управления Министерства юстиции

Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года, исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020): в части доводов о том, что публичная активность адвоката, связанная с представлением им интересов потерпевших в уголовном деле по факту дорожно-транспортного происшествия с участием Е., характеризуется высокой степенью эпатажа и излишним стремлением привлечь к себе внимание - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства; в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокатом Д. представлены в Совет письменные «Объяснения к Заключению Квалификационной комиссии» от 26.10.2020 (вх... № ... от ..., в которых он указывает:

«Квалификационная комиссия ... 07 октября 2020 г. вынесла заключение, в котором все обвинения в нарушениях Кодекса профессиональной этики адвокатов, представленные Федеральной Палатой Адвокатов в мой адрес были сняты, включая п. 5 ст. 6 о нарушении адвокатской тайны путём разглашения факта об обращении доверителя»;

«Квалификационная комиссия ... вменила мне новое дисциплинарное нарушение, которого не было представлено в представлении ФПА РФ»;

«Квалификационная комиссия допустила предположение о том, что я якобы мог придумать факт обращения ко мне по защите известного лица с целью самопиара. Данное предположение Квалификационная комиссия заложила в мотивировку дисциплинарного проступка, подпадающего под п. 2 ст. 5 Кодекса и этим обвинили меня в новом проступке. Что недопустимо»;

Квалификационной комиссией не была опрошена его секретарь [*К. - примечание Совета*] для подтверждения следующих обстоятельств: «...факта обращения лично ко мне со стороны Е. не было, вместе с тем звонок с вопросом в мой офис от неизвестных мне лиц, с которыми я категорически отказался разговаривать, был»;

«Исходя из смысла п. 2 статьи 5 Кодекса в нём не содержится конкретных этических нарушений норм профессиональной этики, поэтому применению его отдельно без взаимосвязи с другими конкретными нарушениями невозможно»;

«Придя к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении меня в части доводов о нарушении мной правил сохранения адвокатской тайны, Квалификационная комиссия в мотивировочной части ссылается на нарушение п. 5 ст. 6 Кодекса.»;

«... считаю, что своими действиями я не подрывал доверие, как к себе, так и к адвокатуре в целом. Свое публичное обоснование причины отказа от потенциальной защиты Е. я не считаю нарушением, поскольку конкретного обращения ко мне не было, в этот момент я был свободен от каких-либо профессиональных обязательств по настоящему делу и был вправе выразить свое мнение в отношении вида преступления, а не конкретного человека»; «я не обсуждал публично действия Е., а обсуждал лишь обстоятельства происшествия, подпадающие под признаки преступления и свое отношение к категории данных дел»; «не имело место осуждение лица, а имело место осуждение деяния. Таким образом, такой изобретённый стандарт нарушения п. 2 ст. 5 Кодекса не соответствует фактическим обстоятельствам»;

другие адвокаты тоже давали схожие публичные комментарии, и в их отношении это не признается нарушением;

«Ранее я уже письменно обращался с предложением о примирении в ФПА РФ, и в ответе четко прослеживалось согласие с моей позицией и намерение к примирению, которому помешали неизвестные мне обстоятельства». «...я полагаю, что при таких обстоятельствах могу просить Совет Адвокатской Палаты о примирении»;

«я считаю, что в интересах адвокатуры необходимо решать все внутренние противоречия мирным путем без привлечения к публичным порицаниям кого-либо.»;

«В случае невозможности примирения прошу прекратить дисциплинарное производство по п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката вследствие отсутствия в моих действиях нарушения норм законодательства и Кодекса и вследствие надлежащего исполнения мной своих обязанностей перед доверителями и адвокатской палатой».

В дополнение к указанным «Объяснениям» адвокатом Д. 27.10.2020 представлены (вх. № ... от 27.10.2020) «нотариально заверенное заявление К. от 15.10.2020г.» и «Заявление адвоката У. от 12.10.2020г., заверенное подписью Управляющего партнера МКА «...».

Представитель адвоката Д. адвокат С. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии в части, касающейся признания нарушения адвокатом Д. требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, не согласилась, поддержав письменные возражения адвоката Д., представленные Совету. В остальной части с Заключением Квалификационной комиссии согласилась. Дополнительно пояснила, что полагает невозможным выдвигание дисциплинарных обвинений в отношении адвоката Д. в отсутствие конфликта между ним и его доверителями, считает ошибкой предпринятую органами адвокатского самоуправления «морально-этическую чистку», затрудняющую работу адвоката Д. по сложному «резонансному» делу. Полагает, что должно быть достигнуто мирное урегулирование спора, как это и предложил адвокат Д. Кроме того, считает, что Квалификационная комиссия не имела оснований признать в действиях адвоката Д. нарушение статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, не признав нарушение им теми же действиями требований статьи 6 Кодекса о сохранении адвокатской тайны. По её мнению, Квалификационная комиссия вышла за пределы выдвинутых дисциплинарных обвинений, допустив в своём Заключении предположительное суждение о том, что адвокат Д. мог «придумать» факт обращения к нему за оказанием юридической помощи Е. Полагает дисциплинарное производство подлежащим прекращению в полном объёме.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Ер. в заседании Совета также подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии не согласилась, поскольку считает, что адвокатом Д. были совершены все нарушения, указанные в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве. Считает, что запрет на разглашение адвокатской тайны является безусловным, а ссылка Квалификационной комиссии на то, что обращение за оказанием юридической помощи исходило от неустановленного лица, не влияет на оценку действий адвоката Д., поскольку такое условие не предусмотрено законом, а обратившееся за юридической помощью лицо могло быть впоследствии установлено. Просит направить дисциплинарное производство Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, включая приведённые выше письменные объяснения адвоката Д., выслушав явившихся в заседание участников, Совет приходит к следующим выводам.

Совет признаёт достоверно и полно установленными Квалификационной комиссией все существенные обстоятельства, относящиеся к предмету дисциплинарного производства. Выводы Квалификационной комиссии, изложенные в её Заключении, соответствуют установленным фактическим обстоятельствам, предмету дисциплинарного разбирательства и сделаны Комиссией по существу дисциплинарных обвинений, выдвинутых в отношении адвоката Д. в представлениях Первого вице-президента ФПА РФ и Главного управления Министерства юстиции по Москве.

Так, установлено и не отрицается самим адвокатом Д., что им в комментариях различным новостным каналам и средствам массовой информации были сделаны следующие публичные заявления в связи с обсуждением обстоятельств дорожно-транспортного происшествия с участием Е., имевшего место 8 июня 2020 года.

Подтвердив факт обращения к нему за защитой Е., подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, и поясняя причины отказа, адвокат Д., в частности, заявил:

«Я сразу сказал, что не возьмусь, потому что есть ряд дел, за которые я не берусь никогда, - это педофилия, наркотики и терроризм. До сегодняшнего дня я думал, что это три вида дел, за которые я не возьмусь. Сегодня прибавилось четвёртое - это, конечно, убийство человека в ДТП в состоянии алкогольного опьянения. Преступление, близкое к терроризму. В случае раскаяния срок может быть и меньше чем 12 лет. А что ему ещё остаётся делать? Он был в тяжелейшем состоянии алкогольного опьянения. Наверное, суд возьмёт во внимание его заслуги перед Отечеством, и он получит восемь или десять лет. Но от этого что, легче семье человека, которого нет?»

Источники:

<https://...> (приложение 1);

<https://...>».

Применительно к этим публичным высказываниям адвоката Д. в представлении Первого вице-президента ФПА РФ указано, что они «могут рассматриваться как умаляющие авторитет адвокатуры и подрывающие доверие к ней».

Позднее адвокат Д. неоднократно публично повторял эту позицию в эфире различных средств массовой информации и Интернет-ресурсов, а также заявил, что он в последующем принял поручение на представление потерпевших по этому делу.

В частности, им были сделаны следующие публичные заявления:

«Как и многим адвокатам, мне тоже поступило предложение представлять интересы господина Е. А вот сегодня, буквально несколько часов назад, поступило предложение от семьи, от брата, представлять интересы, очевидно, они будут признаны потерпевшими, да. И мой ответ «нет» и мой ответ «да» исходил из одного понимания этого процесса. Я ответил «нет» человеку, который звонил и спрашивал меня, могу ли я представлять Е., потому что я хорошо знаю, как сделать так, чтобы Е. ушел от наказания. И,

зная это и представляя себе всю логику событий, которые могут развернуться в течение следствия и самого процесса, я принял предложение от семьи представлять их интересы»;

«Пусть его защищают другие адвокаты, ради бога, я не хочу. Исходя из каких-то принципов, которые я вижу в зеркале каждое утро, когда бреюсь. Кроме того, есть один очень серьезный момент: я знаю, как выиграть этот процесс со стороны Е., поэтому я не хочу выигрывать, поэтому я не взялся»;

«Знаете, когда эта трагедия произошла, мне раздался звонок. Я даже не стал разговаривать. Мне было предложено представлять интересы Е.».

Источники:

<https://...>

<http://...>

<https://...>

<https://>

При этом, как в представлении Первого вице-президента ФПА РФ, так и в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве содержатся указания на признаки нарушения адвокатом Д. требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. В представлении Первого вице-президента ФПА РФ, кроме того, содержится следующее дисциплинарное обвинение, непосредственно относящееся к приведённым выше публичным высказываниям адвоката Д.: «Представляется, что подобное профессиональное поведение адвоката подрывает авторитет адвокатуры в целом, доверие к ней, препятствует формированию образа адвоката как лица, к которому может обратиться без риска того, что даже сам факт такого обращения будет использован против него, любой человек, вне зависимости от тяжести деяния, в котором он подозревается, или обстоятельств дела».

При таких обстоятельствах Совет, вопреки утверждениям адвоката Д. и его представителя, признаёт установленным тот факт, что в отношении адвоката Д. выдвинуто, помимо прочих, самостоятельное дисциплинарное обвинение в нарушении требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката: «Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре». Соответственно, Квалификационная комиссия, давая оценку этому дисциплинарному обвинению, действовала в пределах своих полномочий, предусмотренных пунктом 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, не превысила их и не допустила какого-либо изменения предмета и (или) основания представлений.

Совет отклоняет как явно несостоятельный довод адвоката Д., поддержанный его представителем, о том, что «Квалификационная комиссия допустила предположение о том, что я якобы мог придумать факт обращения ко мне по защите известного лица с целью самопиара. Данное предположение Квалификационная комиссия заложила в мотивировку дисциплинарного проступка, подпадающего под п. 2 ст. 5 Кодекса и этим обвинили меня в новом проступке». Из содержания Заключения Квалификационной комиссии ясно

следует, что вывод о наличии в действиях адвоката Д. нарушения требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката Квалификационная комиссия обосновала фактом и содержанием приведённых выше публичных высказываний адвоката Д., а не какими-либо собственными предположениями. Содержащееся в Заключении Комиссии разъяснение: «Дополнительно Квалификационная комиссия разъясняет, что даже и в том случае, если бы адвокат Д. выдумал факт обращения к нему за защитой Е., а потом в целях саморекламы публично распространил бы указанные сведения, по мнению Комиссии, это все равно бы являлось поступком, подрывающим доверие к адвокатуре, по причинам, описанным выше», со всей очевидностью, не содержит в себе ни предположений о распространении адвокатом Д. ложной информации об обращении к нему за юридической помощью, ни, тем более, каких-либо новых дисциплинарных обвинений. Оно лишь иллюстрирует вывод Квалификационной комиссии о том, что предметом и существом дисциплинарного обвинения в нарушении требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката являются приведённые выше публичные высказывания адвоката Д., вне зависимости от того, имел ли место факт обращения к нему за юридической помощью Е.

По этой же причине Квалификационная комиссия не сочла значимыми для разрешения настоящего дисциплинарного производства обстоятельства получения адвокатом Д. информации об обращении к нему за оказанием юридической помощи Е. Соглашаясь с этим выводом, Совет не принимает во внимание представленные адвокатом Д. «нотариально заверенное заявление К. от 15.10.2020г.» и «Заявление адвоката У. от 12.10.2020г., заверенное подписью Управляющего партнера МКА «...», как не влияющие на оценку действий адвоката Д.

Учитывая изложенные обстоятельства, Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства и не усматривает каких-либо препятствий для его разрешения по существу.

Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии в части, касающейся прекращения дисциплинарного производства по основаниям, приведённым в Заключении Комиссии.

Так, Комиссия пришла к обоснованному выводу об обнаружившемся в ходе разбирательства отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части доводов о нарушении адвокатом Д. правил сохранения профессиональной тайны. Соглашаясь в этой части с доводами Квалификационной комиссии, изложенными в её Заключении, Совет обращает внимание на то, что в силу пункта 3 статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката «Адвокат не может быть освобождён от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя». Как правильно указала в своём Заключении Квалификационная комиссия, распространение сведений, составляющих адвокатскую тайну, затрагивает исключительно интересы доверителя, который может письменным

заявлением освободить адвоката от необходимости ее хранения. В условиях, когда от лиц, обращавшихся к адвокату Д. за оказанием юридической помощи Е., жалоб на разглашение адвокатом этого факта, составляющего профессиональную тайну, не поступало, а сами эти лица неизвестны, допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства в этой части отсутствует.

Вместе с тем, Совет подчёркивает, что обнаружившееся отсутствие допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в указанной части означает не признание отсутствия данного нарушения, а констатацию отсутствия возможности и необходимости оценки дисциплинарными органами Адвокатской палаты города Москвы профессионального поведения адвоката Д. на предмет его соответствия требованиям статьи 8 Федерального закона 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Соглашается Совет и с выводом Квалификационной комиссии об обнаружившемся отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части доводов о том, что публичная активность адвоката Д., связанная с представлением им интересов потерпевших в уголовном деле по факту дорожно-транспортного происшествия с участием Е., характеризуется высокой степенью эпатажа и излишним стремлением привлечь к себе внимание. Данное дисциплинарное обвинение, как оно изложено в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве, явно не соответствует требованиям подпунктов 6 и 7 пункта 2 статьи 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, что также исключает возможность оценки профессионального поведения адвоката Д. в этой части.

Наконец, Совет признаёт обоснованным вывод Квалификационной комиссии об отсутствии в действиях адвоката Д. нарушений требований подпункта 1 пункта 2 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката в части, касающейся его публичных высказываний в адрес адвоката П. и других защитников Е., а также в адрес Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Приведенные в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве высказывания адвоката Д. в указанной части не свидетельствуют о нарушении им подпункта 1 пункта 2 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку выражений, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию адвоката П., они не содержат. Высказывание адвоката Д.: «но господин Е. решил, ... вот подосланные ФСБ каскадёры или марсиане, которые вели машину, намного выгоднее, потому что он сможет полностью оправдаться на суде», в шуточной манере комментирует избранную Е. защитительную версию и не содержит никакой критики Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Другие приведённые в представлении высказывания адвоката Д. о допущенных, по его мнению, ошибках защиты Е., были сделаны адвокатом Д.

в адрес процессуальных оппонентов по делу и также не свидетельствуют об умалении им деловой репутации адвокатов - защитников Е.

Квалификационная комиссия правильно обратила внимание и на то, что ни адвокат П., ни Федеральная служба безопасности Российской Федерации с какими-либо жалобами по поводу данных высказываний адвоката Д. не обращались. При таких обстоятельствах Совет признаёт дисциплинарное производство в данной части подлежащим прекращению по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Д. требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет, прежде всего, отклоняет как явно несостоятельные доводы адвоката Д. и его представителя о том, что данная норма не содержит конкретных предписаний, её неисполнение не является самостоятельным дисциплинарным нарушением и не может быть признано таковым вне совокупности с нарушением требований статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката либо каким-либо иным «конкретным» нарушением. Вопреки этим доводам, требование к адвокату избегать совершения действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, является универсальным и распространяется на все и любые действия адвоката, а вовсе не только на действия, связанные с разглашением профессиональной тайны. Соблюдением адвокатами этого требования обеспечиваются фундаментальные основы существования и деятельности адвокатской корпорации: доверие к ней и её авторитет в обществе. В Преамбуле Кодекса профессиональной этики адвоката указано: «Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры». В соответствии с пунктом 2 статьи 4 Кодекса профессиональной этики адвоката необходимость соблюдения правил адвокатской профессии вытекает из факта присвоения статуса адвоката. В соответствии с пунктом 5 статьи 9 того же Кодекса в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения. В соответствии с пунктом 3 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката. Таким образом, требование к адвокату избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, является не только самостоятельным, но и одним из важнейших профессионально-этических требований, нарушение которого, совершённое адвокатом умышленно или по грубой неосторожности, влечёт применение мер дисциплинарной ответственности (пункт 1 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Как установлено материалами дисциплинарного производства, адвокатом Д., выступавшим именно в качестве адвоката, были неоднократно сделаны публичные высказывания, в которых он, сообщая об имевшем место обращении к нему за юридической помощью Е., заявлял о принятом им решении отказаться от обсуждения и принятия такого поручения и комментировал мотивы занятия такой позиции. В частности, адвокатом Д. было публично заявлено следующее: «Я сразу сказал, что не возьмусь, потому что есть ряд дел, за которые я не берусь никогда, - это педофилия, наркотики и терроризм. До сегодняшнего дня я думал, что это три вида дел, за которые я не возьмусь. Сегодня прибавилось четвёртое - это, конечно, убийство человека в ДТП в состоянии алкогольного опьянения. Преступление, близкое к терроризму. В случае раскаяния срок может быть и меньше чем 12 лет. А что ему ещё остаётся делать? Он был в тяжелейшем состоянии алкогольного опьянения. Наверное, суд возьмёт во внимание его заслуги перед Отечеством, и он получит восемь или десять лет. Но от этого что, легче семье человека, которого нет?».

Источники:

<https://...> от 09 июня 2020 года;

<https://...> от 10 июня 2020 года.

«Как и многим адвокатам, мне тоже поступило предложение представлять интересы господина Е. А вот сегодня, буквально несколько часов назад, поступило предложение от семьи, от брата, представлять интересы, очевидно, они будут признаны потерпевшими, да. И мой ответ «нет» и мой ответ «да» исходил из одного понимания этого процесса.

Я ответил «нет» человеку, который звонил и спрашивал меня, могу ли я представлять интересы Е., потому что я хорошо знаю, как сделать так, чтобы Е. ушел от наказания. И, зная это и представляя себе всю логику событий, которые могут развернуться в течение следствия и самого процесса, я принял предложение от семьи представлять их интересы. Потому что, наверное, слушайте, если мне это пришло в голову, значит, это могло прийти в голову и коллегам, и приблизительно понимая, что такое может произойти...»

Источник: <https://...> от 11 июня 2020 года.

«Пусть его защищают другие адвокаты, ради бога, я не хочу. Исходя из каких-то принципов, которые я вижу в зеркале каждое утро, когда я бреюсь. Кроме того, есть один очень серьезный момент: я знаю, как выиграть этот процесс со стороны Е., поэтому я не хочу выигрывать, поэтому я не взялся».

Источник: <http://...> от 11 июня 2020 года.

«Знаете, когда эта трагедия произошла, мне раздался звонок. Я даже не стал разговаривать. Мне было предложено представлять интересы Е. Я знаю, как сделать так, чтобы Е. не получил наказание. Практически никакого. Как адвокат у меня есть мысли на эту тему. Я приблизительно представляю, как бы я вел защиту Е. И из-за того, что я знаю, как бы я выиграл этот процесс, я не стал им заниматься.

И теперь зеркально, когда мне поступило предложение от семьи погибшего, я его принял исключительно потому, что я знаю, как сделать так, чтобы Е. вышел с наименьшими потерями из этой ситуации. Потому что те идеи, которые есть у меня, могут быть и у коллег тоже. И там более или менее все понятно, как выстраивать линию защиты. Вот почему я не принял одно предложение и принял другое».

Источник: <https://...> от 11 июня 2020 года.

Из содержания интервью адвоката Д. журналисту радиостанции «Эхо Москвы» Н. 11 июня 2020 года, размещенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте указанной радиостанции по ссылке: <https://...>, следует, что, отвечая на вопрос журналиста, адвокат Д. сообщил следующее: «Вы знаете, когда эта трагедия произошла, мне раздался звонок, на который я вообще даже не стал разговаривать, и мне было предложено представлять интересы Е. . Из-за того, что я знаю, как бы я выиграл этот процесс, я не стал им заниматься. Когда произошла эта трагедия, мне раздался звонок, и этот звонок был с предложением, с вопросом могу ли я участвовать в защите Е. Я не знаю, кто это звонил, наверное, да. *[имеются в виду родственники Е. - примечание Совета]* или знакомые, или из окружения, я не стал даже разговаривать и ответил нет» (фрагмент интервью с 02:30 мин. по 04:26 мин.).

Анализируя эти публичные высказывания адвоката Д. на предмет их соответствия требованиям пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет, прежде всего, соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат Д., несомненно, сообщает и неоднократно подтверждает сведения об имевшем место факте обращения к нему за оказанием юридической помощи Е. в виде защиты последнего по уголовному делу. В связи с этим Совет отклоняет как не соответствующий действительности довод адвоката Д. о том, что он комментировал не конкретное дело в отношении конкретного лица, а деяние как таковое.

Вместе с тем, Совет соглашается с Квалификационной комиссией и доводами представления Первого вице-президента ФПА РФ от 19 июня 2020 года о том, что своими публичными комментариями факта обращения к нему неустановленного лица за оказанием юридической помощи Е. адвокат Д. подрывает доверие не только к себе, но и к адвокатуре как институту гражданского общества в целом, поскольку способствует формированию общественного мнения об адвокате как о советнике, обращение к которому за профессиональной помощью может повлечь публичное обнародование самого факта такого обращения и публичное же обоснование причин отказа в принятии защиты, вызванных осуждением адвокатом действий лица, за защитой которого к нему обратились.

Публичное сообщение адвокатом Д. об обращении к нему за оказанием юридической помощи Е. было сопряжено с высказываниями, пренебрегающими презумпцией невиновности последнего и искажающими существо инкриминируемого ему деяния, содержащего признаки

преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, относящегося к категории неосторожных преступлений и не имеющего ничего общего с преступлениями террористической направленности. Такое умышленное и грубое искажение юридически значимых обстоятельств адвокатом, являющимся независимым профессиональным советником по правовым вопросам (пункт 1 статьи 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), также прямо противоречит назначению института адвокатуры, созданного и действующего исключительно для оказания профессиональной юридической помощи. Вопреки доводам адвоката Д., произнесение им, именно в качестве адвоката, фразы: «Убийство человека в ДТП в состоянии алкогольного опьянения. Преступление, близкое к терроризму» - не может быть оправдано целью облегчения понимания юридических вопросов непрофессиональной аудиторией (обывателем), поскольку именно эта аудитория ожидает получить от адвоката достоверную, точную и корректную информацию по правовым вопросам.

Кроме того, публичная мотивировка адвокатом отказа от принятия защиты характером и тяжестью инкриминируемых преступлений противоречит существу адвокатской профессии, поскольку способствует формированию в обществе отрицания конституционного права на защиту за целыми категориями граждан, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение определённых деяний.

Вопреки доводам адвоката Д., то обстоятельство, что его публичные заявления, пренебрегающие презумпцией невиновности, осуждающие лицо, за защитой которого к нему обратились, и искажающие существо инкриминируемого деяния, сделаны им до вступления в дело в качестве представителя потерпевших, ни в коей мере не снимает с него профессионально-этическую ответственность за содержание этих заявлений. Более того, в такой ситуации они не могут быть оправданы даже ложно понятым стремлением защитить интересы потерпевших.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства в их совокупности, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Д., публично сообщив в период с 09 по 11 июня 2020 года сведения об имевшем место факте обращения к нему неустановленного лица за оказанием юридической помощи Е. и снабдив это сообщение высказываниями, пренебрегающими презумпцией невиновности и искажающими существо инкриминируемого Е. деяния, совершил действия, направленные к подрыву доверия к адвокатуре. Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Д. в отношении данного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а его умышленную вину в нарушении требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Вместе с тем, Совет полагает избыточным и исключает из формулировки дисциплинарного нарушения, содержащейся в Заключении Квалификационной комиссии, указание на «условия невозможности получения согласия доверителя (неустановленного лица) на разглашение

адвокатской тайны». Совет полагает, что данное обстоятельство не влияет на оценку действий адвоката Д. в части, касающейся совершённого им нарушения требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет отклоняет как полностью несостоятельные доводы адвоката Д. о применении к нему некоего «придуманного индивидуального стандарта» ответственности, а также довод его представителя адвоката С. о том, что в отношении адвоката Д. осуществляется «морально-этическая чистка». Совет в этой связи разъясняет адвокатам Д. и С., что дисциплинарное производство осуществляется в отношении каждого адвоката индивидуально, при наличии допустимого повода и в пределах выдвинутых дисциплинарных обвинений, с соблюдением требований состязательности и равноправия участников дисциплинарного производства. Дополнительно Совет разъясняет адвокату С., что работа адвоката по делам, к которым привлечено повышенное общественное внимание, не только не освобождает адвоката от обязанности соблюдения всех требований профессиональной этики, но напротив - требует от него повышенной внимательности и скрупулёзности в их соблюдении, поскольку именно по поведению адвокатов в таких делах и в связи с ними общество в значительной мере определяет своё отношение к адвокатской деятельности и к адвокатскому сообществу (как это произошло и в рассматриваемом случае).

В связи с обращением адвоката Д. к Совету с просьбой о примирении Совет разъясняет ему, что примирение может быть достигнуто исключительно между сторонами дисциплинарного производства, к числу которых Совет Адвокатской палаты города Москвы не относится, и выражается в отзыве жалобы (представления, обращения). Каких-либо обращений об отзыве представлений, на основании которых были возбуждены дисциплинарные производства в отношении адвоката Д., и о примирении с ним в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 7 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, с целью выяснения возможности принятия мер к примирению адвоката и лиц, обратившихся с представлением, а также с учётом содержащейся в письменных «объяснениях» адвоката Д. информации о том, что он «письменно обращался с предложением о примирении в ФПА РФ, и в ответе четко прослеживалось согласие с моей позицией и намерение к примирению, которому помешали неизвестные мне обстоятельства», президентом Адвокатской палаты города Москвы Поляковым И.А. был направлен письменный запрос президенту ФПА РФ Пилипенко Ю.С. (исх. № ... от 28.10.2020) с просьбой сообщить, обращался ли адвокат Д. в ФПА РФ с просьбой о примирении, и если да, то каковы результаты рассмотрения этого обращения. В ответ на этот запрос в Адвокатскую палату города Москвы поступило письмо исполнительного директора ФПА РФ Сергеевой О.Е. (вх. № ... от 28.10.2020), к которому приложены заверенные копии обращений адвоката Д. к президенту ФПА РФ Пилипенко Ю.С. от 01.10.2020 и от

12.10.2020, а также ответа президента ФПА РФ Пилипенко Ю.С. адвокату Д. от 07.10.2020 № ... следующего содержания: «Д. Уважаемый ...! Прочитав Ваше обращение от 1 октября 2020 года, я посчитал необходимым посоветоваться со своими коллегами, в том числе с первым вице-президентом ФПА РФ ..., по представлению которого мною было возбуждено дисциплинарное производство в отношении Вас. Коллеги настаивают на том, что примирение не представляется возможным, и не рекомендовали мне следовать Вашей просьбе». На повторное обращение адвоката Д. от 12.10.2020, согласно информации исполнительного директора ФПА РФ Сергеевой О.Е., ответ не давался.

При таких обстоятельствах Совет констатирует явно выраженную со стороны ФПА РФ позицию об отсутствии возможности для примирения с адвокатом Д., а также факт введения им в заблуждение Совета Адвокатской палаты города Москвы информацией о том, что «в ответе [ФПА РФ - примечание Совета] четко прослеживалось согласие с моей позицией и намерение к примирению, которому помешали неизвестные мне обстоятельства».

Мерами дисциплинарной ответственности, применяемыми к адвокату за нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, являются: 1) замечание; 2) предупреждение; 3) прекращение статуса адвоката (п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката (пп. 2 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Определяя в соответствии с требованиями пункта 4 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершённое им нарушение требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет принимает во внимание его умышленный и неоднократный характер, а также особую тяжесть, которая выразилась в том, что публичные действия (высказывания) адвоката Д., ставшие достоянием многомиллионной аудитории читателей, зрителей и слушателей (в том числе, федеральных телевизионных и радиовещательных средств массовой информации), противоречили самому существу адвокатской профессии и её базовым ценностям, поскольку они содержали пренебрежение презумпцией невиновности, искажали юридически значимые обстоятельства, способствовали формированию общественного мнения об адвокате как о советнике, обращение к которому за профессиональной помощью может повлечь публичное обоснование причин отказа в принятии защиты, вызванных осуждением адвокатом действий лица, за защитой которого к нему обратились, а также способствовали формированию в обществе отрицания

конституционного права на защиту за целыми категориями граждан, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение определённых деяний.

Совет также учитывает, что адвокату Д. ранее уже указывалось на намеренное и устойчивое игнорирование им требований профессиональной этики в публичном поведении. При этом Совет обращал внимание адвоката

Д. на его большой опыт и разнообразную практику публичных выступлений, позволяющие ему свободно и непринуждённо вести себя и при общении с журналистами и выбирать наиболее подходящие, по его мнению, слова из обширного словарного запаса (Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26.06.2018 № ...). С учётом этого обстоятельства Совет расценивает публичное профессиональное поведение адвоката Д., являющееся предметом настоящего дисциплинарного производства, как проявление им стойкого нежелания связывать себя требованиями профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении в отношении адвоката Д. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет полагает невозможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности, поскольку это не отвечало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному пунктом 3 статьи 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также создавало бы ложное впечатление о совместимости подобного публичного профессионального поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

Устанавливая в соответствии с требованиями пункта 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Д. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, принимая во внимание описанные выше обстоятельства и отношение Д. к совершённому им нарушению, полагает необходимым определить указанный срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 2 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, п. 1, 4-7 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

Применить к адвокату Д. (регистрационный номер . в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), что выразилось в публичном сообщении им в период с 09 по 11 июня 2020 года сведений об имевшем место факте обращения к нему неустановленного лица за оказанием юридической помощи Е., снабжённом высказываниями, пренебрегающими презумпцией невиновности и искажающими существо

инкриминируемого Е. деяния. Установить в отношении Д. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в два года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) распоряжением Президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 26 июня 2020 года по представлению Первого вице-президента ФПА РФ от 19 июня 2020 года (вх. № ... от 29.06.2020) и распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2020 года № ... по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020), в части доводов о нарушении адвокатом правил сохранения профессиональной тайны, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2020 года № ... по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020): в части доводов о том, что публичная активность адвоката, связанная с представлением им интересов потерпевших в уголовном деле по факту дорожно-транспортного происшествия с участием Е., характеризуется высокой степенью эпатажа и излишним стремлением привлечь к себе внимание - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства; в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2021 год

5. Совет признал, что протестное поведение адвоката в судебном заседании, вызванное воспрепятствованием его профессиональной деятельности и выраженное в корректной форме, не свидетельствует о неуважении к суду и не образует дисциплинарного нарушения.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 18 ноября 2020 года адвокатом А. допущено нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 8 («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению») и ч. 1 ст. 12 («Участвуя в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального

законодательства, проявлять уважение к суду...») Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в публичном произнесении ею в ходе судебного заседания О. районного суда города П. при рассмотрении уголовного дела № ... в отношении Л. следующих фраз, адресованных председательствующему:

- 13 июля 2020 года – *«т. 11 л.д. 191, материалы дела иногда надо хотя бы читать»;*

- 06 августа 2020 года – *«когда я формулирую свой вопрос, я не нуждаюсь в комментариях в этом вопросе у суда и в консультациях за ваш счет».*

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же Заключение пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признаёт, что Квалификационной комиссией правильно установлены фактические обстоятельства дела.

Так, установлено, что в производстве О. районного суда города П. находится уголовное дело № ... в отношении Л., обвиняемой по ч. 1 ст. 303 УК РФ и ч. 3 ст. 306 УК РФ. Председательствующим по делу является судья Б. Защиту Л. с 13 апреля 2020 года осуществляет защитник по соглашению адвокат А.

В судебном заседании 07 августа 2020 года судьей Б. в адрес адвоката А. вынесено частное постановление, где содержатся утверждения о том, что адвокат А. в ходе проведения судебного разбирательства по уголовному делу по обвинению Л. в нарушение положений ст.ст. 257, 258 УПК РФ нарушала установленный уголовно-процессуальным законом РФ порядок осуществления правосудия, неоднократно допускала нарушения регламента и порядка в судебном заседании, не подчинялась распоряжениям председательствующего, мешала суду и иным участникам судебного разбирательства, несмотря на замечания со стороны председательствующего, продолжала высказывать реплики и заявлять ходатайства, препятствуя председательствующему судье ведению процесса, на замечания председательствующего не реагировала. При этом судьей Б. в частном постановлении перечислены некоторые высказывания, произнесенные адвокатом А. в судебных заседаниях, и совершенные ею действия. Вместе с тем, в частном постановлении не указано, положения каких именно норм уголовно-процессуального закона или законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре нарушает каждое конкретное высказывание или действие адвоката, и почему именно.

В частном постановлении также указано, что в судебных заседаниях, состоявшихся 26 мая 2020 года и 16 июня 2020 года, при исследовании доказательств стороны обвинения и оглашении государственным обвинителем письменных материалов уголовного дела, защитник – адвокат А.

допускала многочисленные реплики по оглашенным материалам, а также заявляла ходатайства о недопустимости доказательств, в связи с чем председательствующим неоднократно делались замечания защитнику за нарушение регламента судебного заседания; при этом защитнику также было разъяснено, что она вправе после того, как государственный обвинитель огласит все письменные материалы дела, высказать свои замечания и дополнения по ним, а также заявить ходатайства о недопустимости доказательств. Однако защитник, несмотря на замечания со стороны председательствующего, продолжала высказывать реплики и заявлять ходатайства о недопустимости доказательств, препятствуя председательствующему судье ведению процесса, на замечания председательствующего не реагировала.

Адвокат А. в своих объяснениях указала, что 26 мая 2020 года в судебном заседании государственный обвинитель не раскрывал суть доказательств стороны обвинения, а только оглашал даты и названия документов, в связи с чем сторона защиты заявляла ходатайства и возражения, пытаясь обратить внимание суда на недопустимость поверхностного исследования доказательств и возражая против такого способа представления доказательств, поскольку подсудимая должна знать, какие доказательства представляются в судебном заседании в открытом процессе, а не догадываться по наименованию документа, что там содержится. В части 1 ст. 120 УПК РФ прямо указано, что ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу, УПК РФ не содержит каких-либо запретов в части заявления ходатайства на этапе оглашения материалов дела государственным обвинителем. Ходатайства заявлялись адвокатом А. корректно, государственного обвинителя она не перебивала. Равенство прав сторон в соответствии со ст. 244 УПК РФ означает равные права стороны обвинения и стороны защиты на участие в исследовании доказательств. Однако судья Б. не создавала равноценных условий стороне защиты для ее участия в исследовании письменных доказательств, представляемых стороной обвинения, а всячески препятствовала этому. Всё исследование письменных доказательств по данному уголовному делу свелось лишь к чтению их названий, без изложения содержания документов. При этом председательствующим в судебном заседании не предоставлялась возможность стороне защиты заявлять какие-либо ходатайства и делать заявления после подобного «исследования» конкретного документа. Поскольку в уголовном деле много томов, сторона защиты пыталась это сделать непосредственно после «оглашения» каждого документа. Адвокат А. указывала судье на то, что таким отношением к исследованию доказательств нарушены положения ч. 1 ст. 248 УПК РФ о предоставлении защитнику реальной возможности участвовать в исследовании доказательств, заявлять ходатайства, однако судья в ответ лишь делала замечания адвокату А., заявляя, что та не подчиняется требованиям председательствующего.

Объяснения адвоката А. Совет оценивает как последовательные,

логичные и достоверные. Они подтверждаются содержанием имеющихся в материалах дисциплинарного дела протоколов судебного заседания, из которых видно, что адвокат А. в ходе оглашения государственным обвинителем письменных материалов дела действительно обращала внимание суда на недопустимость такого исследования письменных доказательств, которое ограничивается лишь объявлением названий документов с указанием даты их составления, без изложения их содержания.

Совет соглашается с доводами адвоката А. о том, что подобное исследование доказательств нарушало право ее доверителя на защиту, и обращает внимание на прямое указание закона о том, что защитник участвует в исследовании доказательств (ч. 1 ст. 248 УПК РФ), а применительно к осмотру вещественных доказательств он вправе обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 284 УПК РФ). Соответственно, и при исследовании письменных доказательств адвокат А. могла обращать внимание суда на содержание документа. Такие действия адвоката являются правомерными, они направлены на реализацию процессуальных прав защитника и не могут расцениваться как препирательство с председательствующим судьёй, воспрепятствование ведению судебного заседания или проявление неуважения к суду.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии в данной части дисциплинарных обвинений нарушений адвокатом А. положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Оценивая доводы обращения судьи Б. о том, что (1) *«18 июня 2020 года в ходе судебного заседания председательствующим защитнику было сделано замечание за нарушение порядка в судебном заседании, при этом, защитник, не дослушав его, перебила председательствующего, продолжив высказывать свое мнение»*, (2) *«30 июня 2020 года в ходе судебного заседания при допросе свидетеля П. защитник заявила ходатайство об оглашении его объяснений в ходе предварительного следствия; суд отказал в удовлетворении заявленного ходатайства, однако защитник в полном объеме огласила данный документ, несмотря на то, что защитнику был вновь разъяснен регламент судебного заседания»*, Совет исходит из следующего.

В соответствии с требованиями пп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката обращение признается допустимым поводом к возбуждению дисциплинарного производства, если в нем указаны: конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса; обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с представлением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Между тем, частное постановление судьи Б. в обозначенной части не содержит указания на конкретные обстоятельства несоблюдения адвокатом А. требований

законодательства. В нём также не приведены конкретные слова и выражения, которые могли бы быть расценены как «перебивание председательствующего», вследствие чего Совет признаёт эти дисциплинарные обвинения неконкретными и необоснованными.

Оценивая следующие приведенные в обращении высказывания адвоката А.: (1) *«она все равно прочитает так, как ей нужно, бесполезно ее останавливать»*; *«просто суд понимает порядок судебного заседания совершенно по-своему, а не так как это прописано в законе ... если вы считаете, что это не так, и делаете замечание, то она все равно это прочитает и приобщит в любом случае... вы же не можете ее консультировать...»* (судебное заседание 23 июня 2020 года); (2) *«мы столько замечаний получили, ваша честь, меня прям радует это обстоятельство, потому что когда прокурор, таким образом оглашал документы, ему ни одного замечания сделано не было... можно понять, почему?»* (судебное заседание 23 июня 2020 года); (3) *«нет, я не присяду по той простой причине, что у нас только что допрашивали свидетеля З., и я хотела бы приобщить документы, которые касаются его допроса»* (судебное заседание 03 июля 2020 года); (4) *«первое, вскрыть конверт, второе, дать диск защите, третье, предоставить возможность включить аудиозапись, прослушать аудиозапись»* (судебное заседание 15 июля 2020 года); (5) *«может быть, вы знаете, потому что у вас какое-то предвзятое отношение уже сложилось»* (судебное заседание 07 августа 2020 года), Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии нарушений в описанных действиях адвоката А. в судебном заседании. Так, Комиссия, проанализировав протокол судебного заседания, где содержатся вышеперечисленные фразы, породившие претензии со стороны заявителя, справедливо указала, что адвокат вправе возражать против действий председательствующего и высказывать свое мнение о допущенных, по его мнению, нарушениях закона и этики со стороны председательствующего. При этом Комиссия обоснованно сослалась как на применимые нормы уголовно-процессуального законодательства, так и на нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, а также на прецедентную практику Европейского Суда по правам человека (Постановление по делу «Амихалакиоаэ (Amihalachioaie) против Молдавии» от 20 апреля 2004 года (жалоба № 60115/00), § 27; Постановление по делу «Никула (Nikula) против Финляндии» от 21 марта 2002 года (жалоба № 31611/96), § 45; Постановление по делу «Шепфер (Schörfer) против Швейцарии» от 20 мая 1998 года (жалоба № 25405/94, § 29-30) и ряд других).

Анализируемые высказывания адвоката А. не содержат грубых и неуважительных по отношению к суду выражений.

На этих основаниях Совет признаёт, что указанные высказывания адвоката А., как по содержанию, так и по форме, не выходят за пределы допустимого изложения адвокатом своего мнения в судебном заседании и не образуют дисциплинарного нарушения.

Квалификационная комиссия признала дисциплинарным нарушением следующие высказывания адвоката А: *«т. 1 л.д. 191, материалы дела иногда надо хотя бы читать»*, и *«когда я формулирую свой вопрос, я не нуждаюсь в комментариях в этом вопросе у суда и в консультациях за ваш счет»*. Однако Совет не может согласиться с тем, что этими высказываниями адвокат А. проявила неуважение к суду и допустила поведение, не соответствующее деловой манере общения. Совет подчёркивает, что в оценке данных высказываний адвоката А., как и в предыдущих рассмотренных случаях, прежде всего надлежит исходить из того, что адвокат вправе возражать против действий председательствующего и высказывать свое мнение о допущенных, по его мнению, нарушениях закона и этики со стороны суда. Следует также учитывать устную форму изложения, когда отсутствует возможность переиначить высказанное, облагородить фразу или опустить ее до того, как употребленное выражение станет достоянием слушателей (См. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04 декабря 2003 года по делу «Гюндюз (Gunduz) против Турции» (жалоба № 35071/97)).

Первое анализируемое высказывание: *«...материалы дела иногда надо хотя бы читать»* Совет расценивает как форму обращения адвокатом А. внимания на то очевидное обстоятельство, что все участники производства по делу должны знать содержащиеся в нем материалы. В этой связи Совет обращает внимание на то, что в составленном судьями Верховного Суда РФ под редакцией его председателя В.М. Лебедева пособии «Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ» на вопрос *«Обязан ли судья тщательно изучить уголовное дело, которое он принял к своему производству?»* дан следующий ответ: *«Судья, как и иные участники процесса, обязан хорошо знать материалы уголовного дела. Отсутствие такого знания не позволит ему качественно выполнять свои профессиональные обязанности, поскольку уже на этапе подготовки к судебному заседанию он обязан принимать решения с учетом всей содержащейся в деле информации»* (М., 2008, 2-е изд. С.270).

Совет также принимает во внимание то, что, как следует из протокола судебного заседания, адвокат А. в ответ на высказанную ей председательствующей судьей претензию по поводу анализируемой реплики обратила внимание, что никаких замечаний суду не делала.

О том, что опасения адвоката А. относительно степени осведомлённости председательствующей судьи о содержании материалов дела не беспочвенны, говорит также следующее обстоятельство. Согласно протоколу судебного заседания от 13 июля 2020 года, со стороны председательствующей судьи не последовало никаких возражений на следующие высказывания в её адрес адвоката А.: *«вы тоже видимо все не помните уже»* и *«вы тогда не знаете, о чем я спрашиваю»*.

Оценивая высказывание адвоката А.: *«когда я формулирую свой вопрос, я не нуждаюсь в комментариях в этом вопросе у суда и в консультациях за ваш счет»*, Совет обращает внимание на следующее существенное

обстоятельство. Согласно протоколу судебного заседания от 13 июля 2020 года и от 6 августа 2020 года, председательствующая судья во время допросов свидетелей неоднократно снимала вопросы защитника А., а также пыталась указывать ей, какие вопросы следует задавать и как их формулировать. Реакция на такие неправомерные действия председательствующей судьи, помимо рассматриваемой фразы, содержится и в иных зафиксированных в протоколе судебного заседания от 6 августа 2020 года высказываниях адвоката А.: *«почему этот вопрос не нравится суду, я не понимаю», «видимо такой способ суда всячески препятствовать оглашению протокола допроса».*

В высказываниях адвоката А., которыми она выражала протест против воспрепятствования судом реализации ею своих профессиональных полномочий, не используются грубые слова или словосочетания. В первом анализируемом высказывании содержится правомерное пожелание суду хорошо знать материалы рассматриваемого уголовного дела, а во втором – столь же правомерное указание на отсутствие у адвоката А. потребности в помощи суда при формулировании и постановке вопросов, задаваемых в ходе допросов свидетелей.

Совет вновь подчёркивает, что протестное поведение адвоката в судебном заседании, вызванное воспрепятствованием его профессиональной деятельности и направленное на обеспечение возможности надлежащего осуществления защиты доверителя, выраженное в корректных формах, не может расцениваться как неуважение к суду и в полной мере соответствует обязанности адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации способами (п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). Более того, Кодекс профессиональной этики адвоката (п. 1 ст. 8) предписывает исполнять эту обязанность принципиально и активно.

Как уже отмечалось ранее, дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не исключают, что в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность, однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката (Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы» за 2002-2014 гг., М., 2014. С. 205).

В соответствии со ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката установленные им правила профессионального поведения основаны, в том числе, на традициях адвокатуры. Ранее по подобному поводу Московский Совет присяжных поверенных разъяснял: *«Указывая на незаконные и злоупотребления и называя вещи своим именем, присяжный поверенный лишь исполняет свой прямой долг, который возложен на него законом, и к которому судебные места должны относиться с благодарностью, памятуя, что все лица и учреждения, входящие в состав судебного ведомства, поставлены для того, чтобы преследовать одну и ту же цель – правильное*

отправление правосудия на почве закона и справедливости». (А.Н. Марков «Правила адвокатской профессии в России». М. 1913).

При таких обстоятельствах, учитывая, что высказывания адвоката А.: *«т. 1 л.д. 191, материалы дела иногда надо хотя бы читать»*, и *«когда я формулирую свой вопрос, я не нуждаюсь в комментариях в этом вопросе у суда и в консультациях за ваш счет»*, не умаляют авторитет судебной власти, не содержат некорректных, неуважительных слов и выражений, высказаны в устной форме, обусловлены воспрепятствованием профессиональной деятельности адвоката и были произнесены адвокатом в контексте возникшей полемики с председательствующим, исключительно в интересах защиты своего доверителя. Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании Кодекса профессиональной этики адвоката, не усматривает в этих высказываниях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, совершённого умышленно или по грубой неосторожности, и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объёме.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи О. районного суда города П. Б. от 07 августа 2020 года № ... (вх. № ... от 17.08.2020), вследствие отсутствия в ее действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

6. Совет посчитал допустимым использование адвокатом эмоционально насыщенной лексики с целью достижения большей убедительности его аргументации в судебном разбирательстве.

В соответствии с ЗаклЮчением Квалификационной комиссии от 11 ноября 2020 года адвокатом К. допущено нарушение требований п. 1 ст. 4 («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии») и п. 2 ст. 8 («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан ...придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению») Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в произнесении им в заседании К. районного суда города М. 30 июля 2020 года фразы *«Если нужно, чтобы дело было прекращено, я готов станцевать стриптиз»*.

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же ЗаклЮчении пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного

производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии в целом согласился. Пояснил, что ретроспективно осознаёт неуместность фразы о стриптизе, и если бы ситуация повторилась, то он бы воздержался от её произнесения. В письменных возражениях от 21.12.2020 (вх. № ... от 21.12.2020) обращает внимание на то, что Квалификационная комиссия не прослушала представленную им аудиозапись судебного заседания и в силу этого не в полной мере учла все обстоятельства, влияющие на оценку его действий, а именно - ситуацию острого конфликта в судебном заседании, созданную председательствующей судьёй Х., которая не давала ему возможность полноценно вести допрос ключевого свидетеля обвинения Г., постоянно перебивала, снимала вопросы, а затем стала его необоснованно укорять за якобы ненадлежащее поведение в судебном заседании и противопоставлять его поведение поведению коллег, которые якобы его за это осуждают. Произнесённая им фраза, которую он расценивает как *«неосторожное слово, произнесенное в пылу жаркого судебного спора и в ходе совершения действий по защите прав и свобод своего доверителя при явном нарушении прав адвокатов и посягательстве со стороны судьи на его профессиональное достоинство»*, была вынужденной реакцией именно на эти действия председательствующей судьи. В возражениях полностью приводится по аудиозаписи судебного заседания фраза, сказанная адвокатом К., в которой Квалификационная комиссия усмотрела нарушение: *«...Если надо, чтобы сейчас в отношении моего доверителя дело прекратили, я, извините, могу и стриптиз исполнить. Честно»*. Обращает внимание на то, что судья Х. не объявляла ему замечания в судебном заседании, однако сочла необходимым обратиться в Адвокатскую палату города Москвы для принятия к нему мер дисциплинарной ответственности. К письменному объяснению приложены расшифровка аудиозаписи судебного заседания К. районного суда города М. от 30.07.2020, а также тексты ходатайства адвоката К. о прекращении уголовного преследования П. и постановления от 20.05.2020 о привлечении П. в качестве обвиняемого.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката К. и изучив представленные им материалы, пришел к выводу о правильном установлении Квалификационной комиссией фактических обстоятельств дела.

Установлено, что в производстве судьи К. районного суда города М. Х. находилось уголовное дело в отношении П. и Ж., обвиняемых по п. «а» ч. 4 ст. 291 УК РФ. Защиту П. осуществлял по соглашению адвокат К.

В начале судебного заседания, состоявшегося 30 июля 2020 года, адвокат К. обратился к председательствующей судье с просьбой о своём размещении в зале судебного заседания на месте, на котором находился

государственный обвинитель, а его, в свою очередь, просил переместить на своё место, поскольку это позволило бы адвокату К. находиться во время судебного заседания рядом со своим доверителем. Однако председательствующая судья Х. ему в этом отказала. Находясь на отведённом ему месте в зале судебного заседания, адвокат К., задавая вопросы свидетелю Г., был вынужденно обращен к суду спиной.

По мнению судьи Х., адвокат К. при допросе свидетеля Г. не соблюдал положения главы 11 УПК РФ, игнорировал разъяснения суда о том, что судебное разбирательство по делу ведется в рамках предъявленного обвинения, позволял себе неэтичное поведение, что проявилось, в том числе в высказывании выражения: *«Ваша Честь, адвокат эгоист и аморальный тип – это прописано в УПК РФ, адвокат готов, если дело будет прекращено, стриптиз станцевать»*. В связи с таким поведением адвоката К. суд неоднократно обращал его внимание на недопустимость использования в публичном процессе некорректных выражений и злоупотребления правами адвоката. Обращения председательствующего судьи адвокат К. игнорировал, пререкался с ним, в связи с чем в судебном заседании был объявлен перерыв, после которого поведение адвоката К. не изменилось, вследствие чего допрос свидетеля Г. завершён не был, а судебное разбирательство было отложено.

Оценивая заявленное адвокатом К. в судебном заседании 30 июля 2020 года ходатайство об изменении мест расположения защитника и обвинителя в зале судебного заседания, Совет признаёт, что оно было обусловлено необходимостью надлежащего исполнения профессиональных обязанностей защитника и адресовано надлежащему должностному лицу. Обращение адвоката к председательствующему в ходе судебного разбирательства для решения различных вопросов, в том числе и организационно-технических (объявление перерыва, согласование дней и времени заседаний, обеспечение зала достаточными местами для участников процесса и публики, размещение участников процесса в зале, использование вспомогательных технических средств и других) является нормальной практикой и направлено на создание наиболее благоприятных условий для выполнения защитником своих полномочий и обязанностей.

Поэтому обращение адвоката К. к председательствующей судье, выраженное в корректной форме: *«Ваша честь, почему адвокаты сидят отдельно от подзащитных? Нам неудобно. На мой взгляд, логичнее было бы, если адвокаты сидели рядом со своими подзащитными. Считаю, что столы расставлены неправильно»*, не может рассматриваться как неуважительное, нарушающее требования закона и профессиональной этики.

Расположение адвоката К. при допросе свидетеля Г. спиной к председательствующей судье было вынужденным и предопределялось не его выбором, а отведённым ему местом в зале судебного заседания. При этом ни статья 257 УПК РФ («Регламент судебного заседания»), ни статья 243 УПК РФ («Председательствующий»), ни какие-либо иные нормы уголовно-процессуального законодательства не содержат указаний о том, какой частью

тела защитник должен быть обращен к председательствующему при участии в процессуальных действиях в судебном заседании, включая допрос свидетелей.

Данное адвокатом К. объяснение о том, что в силу фактического взаиморасположения участников судебного разбирательства в зале судебного заседания он не имел возможности одновременно быть обращенным лицом к допрашиваемому свидетелю и к председательствующему, не опровергнуто.

При таких обстоятельствах Совет признаёт, что вынужденное расположение адвоката К. спиной к председательствующему во время допроса свидетеля не может быть расценено как проявление неуважения к суду, и в профессиональном поведении адвоката К. и в этой части отсутствует нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Довод в обращении судьи Х. о том, что судебное разбирательство ведется в пределах предъявленного обвинения, сам по себе является бесспорным, но абсолютно не исключает возможность обращения адвоката-защитника к председательствующему судье по различным процессуальным вопросам, возникающим в ходе разбирательства. Из имеющегося в материалах дисциплинарного производства протокола судебного заседания не усматривается очевидного несоответствия выступлений адвоката К. ходу судебного разбирательства. В обращении судьи Х. также не конкретизировано, какими именно действиями адвокат К., по её мнению, способствовал выходу суда за пределы судебного разбирательства. При таких обстоятельствах и в данной части основания для вывода о нарушении адвокатом К. каких-либо требований законодательства и профессиональной этики адвоката также отсутствуют.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката К. в «пререкании» с председательствующим и «игнорировании» его обращений Совет также признаёт неконкретным и необоснованным. В соответствии с пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката в обращении, являющемся поводом для возбуждения дисциплинарного производства, должны быть указаны: конкретное действие (бездействие) адвоката, в котором выразилось нарушение им законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, обстоятельства, на которых автор обращения основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Однако в обращении судьи Х. в Адвокатскую палату города Москвы не указано, в каких конкретно выражениях адвокатом К. осуществлялось «пререкание» с председательствующим и «игнорирование» его обращений, и чем это подтверждается.

В протоколе судебного заседания от 30 июля 2020 года содержатся три записи о том, что *«во время разъяснения председательствующим регламента адвокат К. пререкается с судом»*. Однако и в нём не указано, в каких именно выражениях адвоката К. выразилось «пререкание» с председательствующим. При этом, как следует из того же протокола, записям о пререкании адвоката К.

с судом предшествуют его заявления о неправомерности неоднократного снятия председательствующей судьёй вопросов, заданных адвокатом свидетелю Г. (*«Обращаю внимание на то, что суд немотивированно снял вопрос адвоката. Считаю, что суд препятствует осуществлению защиты», «Ваша Честь, Вы придираетесь к словам...», «Ваша Честь, Вы не даете мне задавать интересующие меня вопросы, устанавливать обстоятельства дела»*). В этой связи Совет считает необходимым подчеркнуть, что само по себе заявление защитника о несогласии с действиями председательствующего (в том числе, с неправомерным, по его мнению, снятием председательствующим заданных свидетелю вопросов) не может быть расценено как «пререкания» или «игнорирование обращений председательствующего». Такие действия являются правом защитника, предоставленным ему законом (ч. 3 ст. 243, ч. 1 ст. 248 УПК РФ). Реализация защитником этого права направлена на исполнение его профессиональных обязанностей перед доверителем. Какие-либо иные высказывания адвоката К., не приведённые в обращении судьи Х. и не отраженные в протоколе судебного заседания, не могут быть предметом оценки органами адвокатского самоуправления.

Оценивая дисциплинарное обвинение в произнесении адвокатом К. в судебном заседании фразы: *«Адвокат – эгоист и аморальный тип, это прописано в УПК РФ. Если нужно, чтобы дело было прекращено, я готов станцевать стриптиз»*, Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, не усматривает ни в какой её части нарушения норм адвокатской этики. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Органы адвокатского самоуправления при оценке избираемых адвокатами форм публичного выражения своей позиции в судебном заседании на предмет их соответствия требованиям профессиональной этики учитывают как требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, так и правовые позиции высших судов и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, ЕСПЧ неоднократно указывал, что в подобных случаях важно учитывать, в частности, причины и условия использования тех или иных выражений, а также устную форму изложения, когда отсутствует возможность переиначить высказанное, облагородить фразу или опустить ее до того, как употребленное выражение станет достоянием слушателей (См. постановления ЕСПЧ по делам: *«Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против РФ»* от 03 февраля 2011 года (жалоба № 8921/05), *«Никула (Nikula) против Финляндии»* от 21 марта 2002 года (жалоба № 31611/96), *«Резник (Reznik) против РФ»* от 4 апреля 2013 года (жалоба № 4977/05, *«Амихалакиоае (Amihalachioaie) против Молдавии»* от 20 апреля 2004 года (жалоба № 60115/00), *«Гюндюз (Gunduz) против Турции»* от 04 декабря 2003 года по делу (жалоба № 35071/97)). В любом случае не должно нарушаться гарантированное статьей 10 Европейской конвенции по защите прав и основных свобод человека право на свободу выражения своего мнения.

Учитывая эти критерии, Совет соглашается с оценкой

Квалификационной комиссией первого фрагмента фразы адвоката К. «Адвокат – эгоист и аморальный тип, это прописано в УПК РФ» как не нарушающего норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. В этом фрагменте, хотя и в несколько преувеличенной, но этически допустимой форме, приводится мнение об одностороннем характере деятельности адвоката в уголовном процессе, целью которой является не установление «объективной истины», а отстаивание интересов доверителя и позиции защиты, вне зависимости, в том числе, от моральной оценки деяний, в совершении которых обвиняется подзащитный.

Оценивая второй фрагмент рассматриваемой фразы, Совет признаёт установленным, что адвокат К. заявил в судебном заседании о готовности «*станцевать стриптиз*», если это поможет прекращению уголовного дела в отношении его подзащитного, и именно в этом его высказывании Квалификационная комиссия усмотрела дисциплинарный проступок. Однако Совет не может согласиться с этим выводом Комиссии по следующим причинам.

Прежде всего, Совет обращает внимание на то, что этим высказыванием адвоката К. авторитет судебной власти ущемлён не был, и дисциплинарное обвинение в неуважении к суду в отношении него не выдвинуто. Кроме того, как верно отметила Квалификационная комиссия в своем Заключении, анализируемое высказывание не содержит бранных либо относящихся к «пониженной лексике» выражений. Готовность «*станцевать стриптиз*» упомянута адвокатом К. применительно персонально к себе (но никак не к судье Х.), причём исключительно в переносном смысле. Нет никаких оснований полагать, что адвокат К. в действительности намеревался или, тем более, пытался исполнить стриптиз в зале или в здании суда. Иными словами, применительно к обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства совершенно очевидно, что указание адвоката К. на готовность «*станцевать стриптиз*» представляет собой не что иное, как образный речевой оборот.

Совет далее обращает внимание на то, что в обоих фрагментах анализируемого высказывания адвокатом К. было применено средство убеждения суда путем самоуничтожения в целях объяснить свои действия, обосновать позицию и добиться для доверителя благоприятного судебного решения. Такой ораторский приём признаётся допустимым многолетней практикой судебной риторики. Как отмечал один из самых просвещенных юристов своего времени, крупный судебный деятель П.С. Пороховщиков (Сергеич) в своей работе «Искусство речи на суде», впервые изданной в 1908 году и актуальной до настоящего времени, «*Риторика указывает на некоторые искусственные приемы усиления мыслей формой их изложения*» (Москва, 1988. С.222).

Совет, как и Квалификационная комиссия, полагает, что адвокат, с целью достижения большей убедительности собственной аргументации в судебном разбирательстве, вправе использовать эмоционально насыщенную

лексику, выражения, содержащие метафоры, гиперболы, аллегории, гротеск, элементы иронии и сарказма. При этом Совет не разделяет мнение Квалификационной комиссии о том, что это допустимо лишь при оспаривании позиции обвинения. Совет полагает, что такой ограничительный подход Комиссии не основан на смысле и содержании требований профессиональной этики адвоката, в частности, статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, которая требует от адвоката одинаково корректно и уважительно относиться как к судьям, так и к иным лицам, участвующим в деле. Это же требование в равной мере относится и к возражениям адвокатов против действий (бездействия) судей и других лиц, участвующих в деле.

Именно такой подход соответствует традициям адвокатуры, на которых, в том числе, основаны правила профессионального поведения адвоката (ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката). Так, в сборнике А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» (Москва, 1913) содержится одно из решений Совета присяжных поверенных [1002], в котором, в частности, указано: *«Если присяжные поверенные обязаны быть корректными и относиться к Суду и прокуратуре с должным уважением, то, с другой стороны, они вправе желать и для себя такого же отношения от Суда и прокуратуры, как лица, преследующие с ними одну цель: помогать правосудию в достижении истины. Третировать же присяжных поверенных публично, без повода с их стороны, роняя носимое ими звание, и затем, вызвав в них естественное в таких случаях волнение и беспокойство духа, их же обвинять в неосторожном выражении, было бы явлением ненормальным и по отношению к присяжным поверенным и несправедливым (Новочерк. 07/08-93).»*.

Совет полагает существенным для целей настоящего дисциплинарного разбирательства то обстоятельство, что адвокат К. активно и последовательно отстаивал позицию защиты о невиновности своего доверителя П. как на стадии предварительного следствия, так и при рассмотрении дела в суде, где возникла ситуация острого конфликта в результате действий председательствующей судьи, препятствовавшей адвокату К. в осуществлении защиты П. всеми не запрещёнными законом способами (в частности, она неоднократно перебивала адвоката К. при допросе им ключевого свидетеля обвинения Г., снимала вопросы, задаваемые им этому свидетелю). К такой ситуации Совет считает применимым высказывание присяжного поверенного М.Г. Казаринова: *«...адвокат, пренебрегая толками и пересудами невдумчивых людей, смело и самоотверженно идет в словесный бой за свободу, судьбу, а иногда и самую жизнь тяжкого преступника...»* (Речи известных русских юристов. - М, 1985. С.170).

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что для выражения желания достигнуть положительного результата защиты по уголовному делу адвокату следовало бы избрать более уместные в судебном заседании образы, чем выражение готовности исполнения стриптиза, учитывая общеизвестные специфические особенности этого танца. Как

указано выше, это признал и сам адвокат К. в заседании Совета, а также в своих письменных возражениях, оценив как «неосторожное слово» произнесённую им в судебном заседании фразу: *«Если нужно, чтобы дело было прекращено, я готов станцевать стриптиз»*. Однако принимая во внимание, что эта фраза не содержит некорректных слов и выражений, высказана в устной форме в ситуации острого конфликта, вызванного воспрепятствованием деятельности защитника со стороны председательствующей судьи, и была произнесена исключительно в контексте отстаиваемой защитником позиции о невиновности своего доверителя, Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о том, что анализируемое высказывание адвоката К. не умаляет ни его достоинство, ни достоинство адвокатской профессии, а также не свидетельствует о неделовой манере поведения.

При таких обстоятельствах Совет не усматривает в профессиональном поведении адвоката К. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, совершённых умышленно или по грубой неосторожности, и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объёме.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению судьи К. районного суда города М. Х. № ... от 30 июля 2020 года (вх. № ... от 03.08.2020), вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

7. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав установленным, что причиной покидания адвокатом зала судебного заседания явилось ухудшение состояния её здоровья, требующее оказания неотложной медицинской помощи.

В соответствии с ЗаклЮчением Квалификационной комиссии от 17 февраля 2021 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ц. по обращению судьи ... районного суда города Москвы Н. от 28 сентября 2020 года (вх. № ... от 23.11.2020), необходимо прекратить вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, судья ... районного суда города Москвы Н. направила в Адвокатскую палату города Москвы письменное обращение от 28 сентября 2020 года (вх. № ... от 23.11.2020), в котором указала (орфография и пунктуация автора обращения сохранены – прим. Совета):

«15 ноября 2019 года в ... районный суд города Москвы поступило уголовное дело в отношении Т., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33 п.п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126, ч. 3 ст. 33 п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, Г., обвиняемого в совершении преступления, 2 предусмотренного ч. 5 ст. 33 п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, И., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, Д., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 163, ч. 1 ст. 161 УК РФ, П., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 163, п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ, В., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ и Д., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ.

В ходе предварительного расследования в отношении Г., И., Д., П. и Д. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в отношении Т. и В. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. В порядке, предусмотренном ст. ст. 50, 51 УПК РФ, адвокат имеющий регистрационный номер № ... Московской коллегии адвокатов «...» Ц., как в ходе предварительного следствия, так и на стадии судебного следствия осуществляла защиту подсудимой В. на основании ордера № ... от 26 ноября 2019 года и удостоверения №

28 сентября 2020 года адвокат Ц., уведомленная и дате времени судебного заседания, к назначенному времени явилась, однако после удовлетворения судом ходатайства стороны обвинения об оглашении показаний в суде подсудимых, данных ими в ходе предварительного следствия, без уведомления и разрешения председательствующего покинула зал судебного заседания. По телефону на звонки помощника судьи не отвечала.

В связи с неявкой защитника Ц., при явке остальных участников процесса, судебное заседание было отложено на 2 октября 2020 года.

В соответствии со ст. 6.1 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные УПК РФ. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены УПК РФ, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

В соответствии со ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката

адвокат не вправе принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить.

Учитывая конкретные обстоятельства уголовного дела, в отношении семерых лиц, пятеро из которых содержатся под стражей, обвиняемых в совершении двух особо тяжких преступлений, а также требования уголовно-процессуального законодательства о разумных сроках уголовного судопроизводства, суд обращает Ваше внимание на нарушение требований закона, допущенных адвокатом, а также просит решить вопрос о привлечении адвоката Ц. к ответственности в соответствии с законодательством РФ».

Адвокат Ц. в своих письменных объяснениях от 05 ноября 2020 года (вх. № ... от 14.12.2020) указала, что 28 сентября 2020 года в ходе судебного 3 заседания ... районного суда по указанному делу у неё резко поднялось артериальное давление и возникла тошнота. Поэтому она встала и, сказав «мне плохо», вышла из зала судебного заседания. При этом здание ... районного суда города Москвы адвокат Ц. не покидала, а спустилась на первый этаж, где судебными приставами ей была вызвана бригада «скорой помощи», зафиксировавшая гипертонический криз с показателями давления 180/100. Врачи оказали адвокату Ц. неотложную медицинскую помощь в комнате судебных приставов. Туда же к ней заходила её подзащитная В. и адвокаты, участвующие в процессе по вышеуказанному уголовному делу. Вернувшись в зал судебного заседания, В. сообщила судье Н. и участникам процесса, что адвокату Ц. стало плохо, и ей оказывается медицинская помощь.

Как впоследствии стало известно адвокату Ц., судья Н. отложила судебное заседание на 02 октября 2020 года в связи с её (адвоката Ц.) отсутствием. Однако, несмотря на то, что судье Н. были известны все описанные выше обстоятельства, она заявила, что направит в отношении адвоката Ц. жалобу в Адвокатскую палату города Москвы о самовольном оставлении зала судебного заседания.

Адвокат Ц. пояснила, что здание ... районного суда города Москвы она покинула после того, как врачами ей было снижено артериальное давление. На тот момент участницы процесса по уголовному делу В. и других участников уже не было в здании суда. В. вызвала такси и проводила адвоката Ц. до места жительства последней. В тот же день адвокат Ц. обратилась в районную поликлинику, где ей был открыт больничный лист.

Объяснения адвоката Ц. подтверждаются представленными ею фотокопиями документов, в том числе: листка нетрудоспособности и выписки № ... из учетной формы № ... журнала учета вызовов скорой медицинской помощи по наряду №

Из имеющейся в материалах дисциплинарного производства выписки из протокола судебного заседания ... районного суда города Москвы от 28 сентября 2020 года усматривается, что в 13.40 час. в судебном заседании был объявлен перерыв, поскольку «адвокат Ц., игнорируя обращение председательствующего, покинула зал судебного заседания». В 14.10 час. судебное заседание было продолжено, но в связи с тем, что «адвокат Ц.,

самовольно покинула зал судебного заседания, о причинах своего отсутствия после перерыва суду не сообщила, на звонки помощника судьи адвокат Ц. не отвечала», судебное заседание было отложено на 02 октября 2020 года в 11.00 час. При этом, из выписки № ... из учетной формы № ... журнала учета вызовов скорой медицинской помощи по наряду № ..., выданной ГБУ «Скорой и неотложной медицинской помощи имени ...», усматривается, что 28 сентября 2020 года в 13.43 час. в указанное учреждение поступил вызов для оказания медицинской помощи Ц. Адрес вызова: ул. ..., дом ... (... районный суд города Москвы). Повод к вызову: повышенное артериальное давление, головная боль и головокружение. Результат вызова: Оставлена на месте. Рекомендовано обратиться в поликлинику.

В этот же день адвокат Ц. обратилась в Государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Городская поликлиника № ... Департамента здравоохранения города Москвы» Филиал № ..., где был открыт листок нетрудоспособности, копия которого представлена адвокатом Ц. в качестве приложения к ее письменным объяснениям. Описанные выше обстоятельства подтверждаются также письменными объяснениями адвоката Г., принимавшей участие в указанном судебном заседании.

С учётом изложенного Совет признаёт достоверно установленными Квалификационной комиссией обстоятельства покидания адвокатом Ц. зала судебного заседания, изложенные ею в объяснениях по настоящему дисциплинарному производству. Совет не находит оснований для сомнений в том, что причиной покидания адвокатом Ц. зала судебного заседания явилось ухудшение состояния здоровья, требовавшее оказания ей неотложной медицинской помощи.

В связи с приведенными обстоятельствами Совет выражает крайнее недоумение позицией заявителя, поставившего вопрос о наказании адвоката Ц. за «самовольное покидание зала судебного заседания», и напоминает, что право на жизнь и охрану здоровья являются фундаментальными и неотчуждаемыми конституционными правами человека, не подлежащими ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (ст.ст. 20,21, 56 Конституции РФ), а тем более - в связи с необходимостью рассмотрения судом уголовного дела в разумные сроки.

В своей деятельности органы адвокатского самоуправления последовательно исходят из того, что «Болезнь адвоката, подтвержденная медицинским заключением, является обстоятельством, препятствующим продолжению его участия в судебном заседании. При этом волеизъявление суда по вопросу о том, вправе ли адвокат покинуть зал суда или нет по причине болезни, правового значения не имеет, поскольку в силу ст.ст.20 и 21 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жизнь, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. Выпуск № 11-12 (13-14), Москва. С. 9; См. также: Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы, 2007 г.: Сборник. Москва, 2013.

С.435).

При таких обстоятельствах покидание адвокатом Ц. зала судебного заседания не может рассматриваться как проявление с ее стороны неуважения к суду, поскольку в условиях резкого ухудшения состояния здоровья адвокат Ц. была лишена возможности заявить ходатайство об отложении судебного заседания либо об объявлении перерыва в нем, а также не должна была спрашивать и дожидаться разрешения суда на покидание зала судебного заседания для обращения за медицинской помощью.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ц. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по обращению судьи ... районного суда города Москвы Н. от 28 сентября 2020 года (вх. № ... от 23.11.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

8. Совет признал, что позиция адвоката и его подзащитного была направлена не на отказ от участия в процессуальном действии, а на обеспечение соблюдения своих процессуальных прав, и прекратил дисциплинарное производство ввиду отсутствия в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности.

Квалификационная комиссия в Заключении от 03.03.2021 пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В Заключении Квалификационной комиссии от 03.03.2021 установлены следующие фактические обстоятельства.

22 октября 2020 года заместителем начальника ... отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве подполковником юстиции Р. было запланировано производство процессуального действия - уведомления обвиняемого К. и его защитника адвоката Г. об окончании следственных действий по уголовному делу № ... в порядке, предусмотренном ст. 215 УПК РФ.

Перед началом проведения указанного процессуального действия обвиняемым К. было подано под роспись следователю Р. письменное заявление о ее отводе. Это заявление обвиняемого К. не было передано следователем Р. руководителю следственного органа для разрешения по существу в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 67 УПК РФ. Вместо этого следователь сообщила адвокату Г. и обвиняемому К. о том, что сейчас ею

будет проведено процессуальное действие – уведомление их об окончании следственных действий по уголовному делу.

Узнав, с какой целью они с К. приглашены в следственный орган, адвокат Г. напомнил следователю, что до настоящего времени сторона защиты не ознакомлена с протоколом допроса эксперта П. от 08.10.2020, что, по его мнению, является существенным нарушением права К. на защиту, а также попросил следователя Р. ознакомить его и обвиняемого К. с постановлением о возобновлении предварительного расследования, поскольку ранее, 15 октября 2020 года, ею уже принималось решение об окончании следственных действий, о чем адвокат Г. был уведомлен следователем Р. с использованием мессенджера «WhatsApp».

Описанные действия обвиняемого К. и его защитника адвоката Г. были ошибочно восприняты следователем Р. как отказ от подписания протокола процессуального действия, и она предложила им покинуть следственный кабинет.

Обвиняемый К. и его защитник – адвокат Г. стали возражать против действий следователя Р., настаивая на выполнении ею описанных выше действий.

Услышав пререкания следователя Р. с адвокатом Г. и обвиняемым К., в ее кабинет зашёл врио заместителя начальника следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Следственного управления УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве П., который, несмотря на заявления стороны защиты о готовности подписать протокол процессуального действия при соблюдении требований закона, также потребовал от адвоката Г. и обвиняемого К. покинуть помещение следственной части.

После чего следователем Р. был составлен протокол уведомления обвиняемого и его защитника об окончании следственных действий от 22 октября 2020 года, в котором она указала, что обвиняемый К. и его защитник – адвокат Г. после оглашения протокола вслух от подписи отказались без объяснения причин.

Как установила Квалификационная комиссия, указанные обстоятельства подтверждаются представленной адвокатом видеозаписью событий, произошедших в помещении следственного органа 22 октября 2020 года.

При этом Квалификационная комиссия также приняла во внимание, что вступившим в законную силу постановлением Г. районного суда города Москвы от 30 октября 2020 года установлено, что: «Следователь Р. после принятия от обвиняемого К. письменного заявления о ее отводе, в нарушение требований ч. 1 ст. 67 УПК РФ не приняла мер к своевременному рассмотрению руководителем следственного органа указанного заявления и продолжила выполнение процессуальных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 215 УПК РФ. Указанное нарушение суд признает существенным, препятствующим до его устранения выполнению с обвиняемым и его защитником требований ст. 217 УПК РФ».

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия пришла к выводу об отсутствии в указанных действиях адвоката Г. состава какого-либо дисциплинарного нарушения.

Совет соглашается с указанным выводом Квалификационной комиссии, признавая его обоснованным и надлежаще мотивированным, в том числе, ссылкой на факт очевидно неверной интерпретации следователем позиции адвоката Г. и его подзащитного К., в действительности направленной не на отказ от участия в процессуальном действии, а на обеспечение своих процессуальных прав.

На основании изложенного, руководствуясь п. 9 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 18 ноября 2020 года № ... , основанному на обращении врио заместителя начальника следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Следственного управления УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве П. (вх. № ... от 23.11.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

9. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку доводы представления об оскорблении адвокатом свидетелей, обвинении их в совершении преступления, применении адвокатом обценной лексики не нашли своего подтверждения.

Квалификационная комиссия 31 марта 2021 года вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Д. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 декабря 2020 года № ... (вх. № ... от 21.12.2020), основанному на жалобе старшего следователя СО ОМВД России по М. району города Москвы П. от 06 ноября 2020 года, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что адвокат Д. на основании соглашения участвовал в качестве защитника Щ., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по М. району города

Москвы П. 07 августа 2020 года Г. районный суд города Москвы отказал в ходатайстве следователя П. об избрании обвиняемому Щ. меры пресечения в виде заключения под стражу и избрал в отношении него меру пресечения в виде домашнего ареста с наложением ряда ограничений, за исключением посещения медицинских учреждений на территории города Москвы. В ходе оказания юридической помощи Щ. адвокат Д. выяснил, что доверитель страдает патологической зависимостью от употребления наркотических средств и в период предварительного следствия находится в состоянии абстинентного синдрома в связи невозможностью их употребления. В этой связи при осуществлении защиты обвиняемого Щ. адвокат Д. неоднократно заявлял ходатайства о проведении медицинского освидетельствования Щ. с целью установления факта употребления им наркотических средств, назначении по уголовному делу судебной наркологической экспертизы, а также ходатайства о разрешении посещения Щ. наркологического диспансера для получения квалифицированной медицинской помощи, на что получал отказы следователя. 28 октября 2020 года адвокат Д. и обвиняемый Щ. прибыли по вызову следователя П. в ОМВД России по М. району города Москвы для проведения следственных действий. В связи с плохим состоянием здоровья доверителя Щ. адвокат Д. заявил ходатайство об отложении следственных действий, в удовлетворении которого следователь П. отказал, после чего Щ. была вызвана бригада скорой медицинской помощи. После оказания Щ. медицинской помощи с его участием были проведены очные ставки со свидетелем К. и свидетелем Г. В протоколах указанных очных ставок отсутствуют отметки следователя или участвующих в очных ставках лиц о высказывании адвокатом Д. оскорблений в адрес свидетеля К. или свидетеля Г., обвинении их в совершении каких-либо преступлений, или о применении адвокатом Д. обценной лексики. В то же время в протоколах очных ставок в абзаце о применении технических средств имеется сделанная следователем П. отметка о том, что адвокат Д. осуществлял аудиозапись на мобильный телефон. В представленных адвокатом Д. аудиозаписях зафиксирована речь, соответствующая по содержанию текстам показаний в протоколах очных ставок от 28 октября 2020 года, проведенных следователем П. между обвиняемым Щ. и свидетелями К. и Г., в том числе заявление адвоката Д. о применении аудиозаписи в ходе очных ставок. В файлах аудиозаписи отсутствуют какие-либо фразы, которые могли быть расценены как оскорбления или обвинения в совершении преступлений, а также фразы с использованием обценной лексики.

Рассматривая доводы Представления об оскорблении адвокатом Д. 28 октября 2020 года свидетелей К. и Г. в ходе проведения очных ставок с обвиняемым Щ., о заявлениях адвоката Д. в адрес К. и Г. о совершении ими преступления, а также о применении при этом адвокатом Д. обценной лексики, Совет отмечает, что в соответствии с требованиями Кодекса профессиональной этики «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан ...придерживаться манеры поведения и стиля

одежды, соответствующих деловому общению» (п. 2 ст. 8) и «при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии» (п. 1 ст. 4).

В то же время Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о том, что доводы Представления об оскорблении адвокатом Д. свидетелей К. и Г., обвинении их в совершении преступления, применении при этом адвокатом Д. обценной лексики не нашли своего подтверждения, поскольку в протоколах очных ставок от 28 октября 2020 года между обвиняемым Щ. и свидетелем К. и между обвиняемым Щ. и свидетелем Г. данные обстоятельства не зафиксированы. При этом в указанных протоколах сделана отметка о применении адвокатом Д. аудиозаписи в ходе проведения данных следственных действий. Факт применения адвокатом Д. аудиозаписи при проведении очных ставок 28 октября 2020 года между обвиняемым Щ. и свидетелями К. и Г. последние подтвердили в ходе их допросов 05 ноября 2020 года, протоколы которых приложены к Представлению.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что содержание представленных адвокатом Д. аудиофайлов соответствует тексту протоколов очных ставок от 28 октября 2020 года между обвиняемым Щ. и свидетелем К. и между обвиняемым Щ. и свидетелем Г., в том числе содержит и уведомление адвоката Д. о применении им аудиозаписи при проведении очных ставок. В указанных аудиозаписях не обнаружены какие-либо фразы, которые могут быть расценены как оскорбления или обвинения в совершении преступлений, а также фразы с использованием обценной лексики.

Совет отмечает, что приведённые в Представлении и содержащиеся в протоколах допроса свидетелей К. и Г. утверждения об оскорблении их адвокатом Д. 28 октября 2020 года в ходе проведения очных ставок, в том числе с применением обценной лексики, а также об обвинении их в совершении тяжкого преступления ничем не подтверждены и, более того, противоречат содержанию протоколов очных ставок от 28 октября 2020 года с участием свидетелей К. и Г. и их аудиозаписи, представленной адвокатом Д., поскольку в этих протоколах и аудиозаписи данные обстоятельства не зафиксированы.

Совет также обращает внимание на письменные объяснения адвоката Д. в той части, что следователь П. и сотрудники Росгвардии К. и Г., являющиеся должностными лицами, представителями власти и, согласно их утверждениям, очевидцами совершения адвокатом Д. противоправных действий, не предприняли каких-либо действий по инициированию предусмотренной для подобных случаев процедуры уголовно-процессуальной проверки и расследования этих фактов. Данные обстоятельства вызывают обоснованные сомнения в достоверности утверждений К. и Г. об их оскорблении и обвинении в совершении тяжкого преступления адвокатом Д.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Д. не опровергнутой Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве и, соглашаясь с

Заключением Комиссии, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 3 п. 3 ст. 21, пп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы (без участия в голосовании Рябцева В.Н. и Сучкова А.В.) прекратить дисциплинарное производство, возбуждённое в отношении адвоката Д. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 декабря 2020 года № ... (вх. № ... от 21.12.2020), основанному на жалобе старшего следователя СО ОМВД России по М. району города Москвы П. от 06 ноября 2020 года исх. № ..., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

10. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку публичное поведение адвокатов полностью соответствовало всем профессионально-этическим требованиям.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 28 апреля 2021 года дисциплинарное производство в отношении адвокатов О. и Р. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что адвокаты О. и Р. в августе – сентябре 2020 года являлись представителями гражданина Д., признанного потерпевшим по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве ... отдела УОД ГУ МВД России по городу Москве и возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, по факту причинения Д. телесных повреждений (ударов в область лица) гражданином Ш., защитником которого по данному уголовному делу являлся адвокат Л.

В указанный промежуток времени, а именно 20 августа 2020 года, 5 сентября 2020 года и 24 сентября 2020 года на информационных ресурсах <<https://...>, <https://...>> и <<https://...>> соответственно, являющихся как средствами массовой информации, так и новостными электронными поисковыми программами, размещенными в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», были размещены публикации с названиями: 1) 20 августа 2020 года – «Ш. обвинили в покушении на убийство», автор публикации Н.; 2) 5 сентября 2020 года – «Нормально всё будет». Показания футбольного судьи, которого жестоко избил футболист Ш.», автор публикации корреспондент ресурса <<https://www...>> П.Л.; 3) 24

сентября 2020 года – «Сторона избитого Ш. судьи подала заявление в СК о покушении на убийство», без указания авторства.

Определяя предмет дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия обоснованно отметила, что в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 25 декабря 2020 года № ... о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвокатов О. и Р. ссылки на конкретные цитаты в опубликованных материалах, как на доказательства совершения адвокатами дисциплинарного нарушения, представлены только из двух ресурсов – <https://... и https://...>. Каких-либо цитат из публикации, расположенной на указанной в представлении странице <https://...> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обосновывающих позицию Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, изложенную в представлении от 25 декабря 2020 года № ..., не имеется.

Одновременно с этим Совет, как и Квалификационная комиссия, отмечает, что просмотреть в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» материалы по всем трём указанным в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 25 декабря 2020 года № ... ссылкам не представляется возможным, так как ни по одной из ссылок запрашиваемые страницы не обнаружены.

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия правильно определила предмет дисциплинарного производства, ограничив его доводами представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 25 декабря 2020 года № ... в части публикаций, размещенных на Интернет-ресурсах <https://...> и <https://...>.

В результате рассмотрения доводов представления в обозначенной выше части установлено, что 20 августа 2020 года на странице Российского информационного агентства ... в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <https://...> был размещен текст со ссылкой на адвоката О. следующего содержания: *«Мы сегодня подали в письменном виде наши объяснения, которые были подготовлены с моим коллегой адвокатом Р. Мы посекундно проанализировали все телодвижения на видео — благо, много видеоматериалов. И мы пришли к твердому убеждению, что в данном случае квалифицировать действия Ш. следует как покушение на убийство, из хулиганских побуждений. Потому что иначе как попыткой убийства удар футболиста страшной силы, который, так сказать, может просто голову разбить на части, удар по голове. Слава богу, что наш арбитр смог прикрыться рукой/.../Мы квалифицировали действия Ш. как покушение на убийство. И также административная ответственность должна быть: за оскорбление и хулиганство».*

05 сентября 2020 года на Интернет-ресурсе <https://...>, являющегося электронным поисковиком новостей, по сведениям, представленным Главным управлением Министерства юстиции России по Москве, на странице с

адресом: <<https://...>> был размещен, в том числе, следующий текст: *«Ш. уже убрали с канала «М.», он уже не является советником министра спорта М. области, вполне очевидно, что и РФС исключит его из состава 20 авторитетнейших российских футболистов, которые участвуют в урегулировании футбольных конфликтов. Очевидно, что и его деятельность в Высшей школе экономики на отделении спортивного менеджмента так же будет завершена». «В ситуации, когда дальнейшая судьба лица, совершившего преступление, зависит от пострадавшего, он может искупить свою вину выплатив возмещение. Однако никаких обращений к нам как к адвокатам не поступало».*

Совет отмечает, что каких-либо доказательств, подтверждающих принадлежность сайтов <<https://...>> и <<https://...>> адвокатам О. и Р., а равно возможность указанных адвокатов самостоятельно размещать на страницах данных сайтов какую-либо информацию, в материалы дисциплинарного производства представлено не было.

Адвокаты О. и Р. отрицают факт предоставления информации, содержащейся в цитате *«Ш. уже убрали с канала «М.», он уже не является советником министра спорта М. области, вполне очевидно, что и РФС исключит его из состава 20 авторитетнейших российских футболистов, которые участвуют в урегулировании футбольных конфликтов. Очевидно, что и его деятельность в Высшей школе экономики на отделении спортивного менеджмента так же будет завершена»* каким-либо средствам массовой информации, так как не обладали сведениями об этом. Они также обращают внимание на тот факт, что данная цитата в статье приписывается обезличенному «адвокату».

В соответствии с требованиями пункта 2.2.3 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Решением Совета ФПА от 28 сентября 2016 года (протокол № 7) при комментировании адвокатами конкретных дел необходимо, чтобы такие комментарии не нарушали положений действующего законодательства и прав третьих лиц, а также отвечали требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности, установленным действующим законодательством, Кодексом профессиональной этики адвоката и настоящими Правилами, в соответствии с которыми (пункт 2.2.4) адвокату следует учитывать, что традиции российской адвокатуры несовместимы с публичным порицанием подозреваемых и обвиняемых лиц.

Материалами дисциплинарного производства достоверно подтверждено, и этот факт не отрицается представителем Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, что адвокаты О. и Р. являлись участниками уголовного дела по обвинению Ш. в причинении телесных повреждений Д. со стороны потерпевшего, отнесенного пунктом 47 ст. 5 УПК РФ к стороне обвинения. Это обстоятельство, во взаимосвязи с положениями пункта 2.2.2 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных

Решением ФПА от 28 сентября 2016 года (протокол № 7), создает для указанных адвокатов законную возможность публичного комментирования обстоятельств данного уголовного дела, при безусловном соблюдении иных установленных для этого случая ограничений.

Совет, не соглашаясь с доводами Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, изложенными в представлении от 25 декабря 2020 года № ..., отмечает, что в вышеуказанных цитатах, безотносительного того обстоятельства, произносили ли их адвокаты О. и Р. в ходе осуществления ими публичных комментариев обстоятельств уголовного дела № ... или нет, не содержится каких-либо формулировок, которые могут рассматриваться как нарушающие положения действующего законодательства и прав третьих лиц, нарушающие в отношении них принцип презумпции невиновности, а равно публично порицающие подозреваемых и обвиняемых.

Часть 1 ст. 49 Конституции РФ, закрепляя принцип презумпции невиновности на конституционном уровне, устанавливает право каждого обвиняемого в совершении преступления считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Совет отмечает, что в процитированных в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве фрагментах текстов отсутствуют какие-либо утверждения о чьей-либо установленной виновности в совершении преступления.

Фраза о том, что *«судьба лица, совершившего преступление, зависит от пострадавшего, он может искупить свою вину выплатив возмещение»*, ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как посягательство на принцип презумпции невиновности, так как в соответствии с требованиями ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, примирение лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести с потерпевшим и загладившего причиненный потерпевшему вред, может стать законным основанием для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон.

Данное высказывание не предваряет оценку фактов компетентным судом по конкретному делу, а, следовательно, не является нарушением презумпции невиновности. Такой подход полностью соответствует позиции Европейского суда по правам человека, неоднократно отмечавшего, что презумпция невиновности не может являться препятствием к информированию общественности о ведущих уголовных расследованиях, о наличии подозрений, об аресте соответствующих лиц и признании ими своей вины (см. например Постановление Европейского Суда по делу «Дактарас против Литвы», §§ 13 и 44; Постановление Европейского Суда по делу «Вьорел Бурзо против Румынии», § 163; Постановление Европейского Суда по делу «Буткевичюс против Литвы», § 52; Решение Европейского Суда по делу «Маршиани против Франции» – прим. Совета).

Совет также отмечает, что публичное комментирование действующих положений уголовно-процессуального закона Российской Федерации ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как нарушение требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Не находит Совет оснований и для констатации нарушения адвокатами О. и Р. положений пункта 2.2.4 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Решением ФПА от 28 сентября 2016 года (протокол № 7), так как приведенные в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 25 декабря 2020 года № ... доводы не подтверждаются представленными доказательствами.

Адвокаты, как представители потерпевшего в уголовном деле, являясь участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, могут быть убеждены в виновности лица, привлекаемого уполномоченными органами к уголовной ответственности. Более того, в строгом соответствии с положениями пп. 1 пункта 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в обязанности представителя потерпевшего входит защита прав и законных интересов данного лица, которая, безусловно, включает в себя возможность высказывания собственной позиции о правильной уголовно-правовой квалификации действий обвиняемого в причинении вреда представляемому адвокатом потерпевшему.

Такое поведение представителя потерпевшего находится во взаимосвязи с требованиями части 1 ст. 241, частей 2, 7 ст. 292 и пункта 3 части 1 ст. 299 УПК РФ, устанавливающих открытость разбирательства уголовных дел и полномочие потерпевшего и его представителя представить суду, до его удаления в совещательную комнату, формулировки решений, в том числе о том, является ли деяние преступлением и каким пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено. При этом анализируемые высказывания адвокатов О. и Р. не содержат каких-либо оценок личности обвиняемого и его публичного порицания.

Изложенное выше свидетельствует о том, что заявитель – Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве – не представило доказательств, опровергающих презумпцию добросовестности адвокатов О. и Р. В свою очередь, адвокат Л. – инициатор обращения в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, пытаясь создать видимость наличия повода и оснований для возбуждения дисциплинарного производства, избрал сомнительный для представителя адвокатского сообщества способ преодоления решений уполномоченных органов Адвокатской палаты города Москвы об отказе в возбуждении дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвокатов О. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) и Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 25 декабря 2020 года № ..., основанному на обращении адвоката Л. от 01 декабря 2020 года (вх. № ... от 14.01.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

11. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку выдвинутое судьёй обвинение адвоката в самоустранении от защиты в виде отказа от выступления в судебном заседании при обсуждении ходатайства прокурора не нашло подтверждения.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 09 июня 2021 года адвокатом Ш. допущено нарушение взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан ... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан ... разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя...») и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя... в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в отказе адвоката Ш. 03 февраля 2021 года в заседании В. межрайонного суда Т. области от высказывания своей позиции по ходатайству государственного обвинителя о необходимости продления его подзащитному подсудимому М.Д. срока содержания под стражей.

Адвокат Ш. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился. Считает Заключение ошибочным, поскольку оно противоречит существу защиты обвиняемых. Поддержал свои ранее поданные письменные возражения на Заключение.

На вопрос членов Совета о причине непосещения им подзащитного М.Д. в период отложения дела 22 января 2021 года вплоть до дня судебного заседания 03 февраля 2021 года, адвокат Ш. ответил: *«Я действительно приехал в ИВС перед судебным заседанием 03 февраля 2021 года для того, чтобы с ним посоветоваться. Нам не было необходимости долго совещаться, достаточно было полчаса общения, поэтому я приехал в ИВС с утра, перед*

судебным заседанием, когда для этого было достаточно времени. Эти консультации не требовали какого-то длительного времени и обдумывания, и поэтому я не считал нужным для консультации приезжать в предыдущие дни, а совместил это с датой судебного заседания, которое было назначено на 14 часов. И так уже делал в предыдущие заседания. Этого времени вполне хватало».

Ранее в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката Ш. поступили возражения на Заключение Квалификационной комиссии на 10 листах с приложением заявления М.Д. от 05.03.2021 и фрагмента протокола судебного заседания В. межрайонного суда Т. области от 03.02.2021 (вх. № ... от 26.07.2021).

В «Возражениях» адвокат Ш. просит прекратить дисциплинарное производство, возбужденное на основании частного постановления судьи Т. областного суда Б. от 05.03.2021, как «незаконное и необоснованное, посягающее на независимость адвоката и препятствующее адвокатской деятельности в РФ». Указывает, что его доверитель полностью доволен качеством его работы, что подтверждается его письменным заявлением, а постановление районного суда от 03.02.2021 о продлении срока содержания обвиняемого под стражей было отменено судом апелляционной инстанции как незаконное и необоснованное. Квалификационной комиссией не был установлен и описан факт причинения кому-либо ущерба от его (адвоката Ш.) действий и, соответственно, не установлен обязательный признак объективной стороны дисциплинарного проступка, что говорит об отсутствии события дисциплинарного проступка. И даже если действия адвоката содержат формальные признаки какого-либо дисциплинарного проступка, но отсутствует ущерб кому-либо, то за такие действия адвокат не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

В «Возражениях» также указывается, что адвокат Ш. в этом деле в очередной раз столкнулся с систематическим нарушением прав адвокатов и их доверителей сотрудниками конвойной службы полиции. Нарушая права обвиняемых на получение квалифицированной юридической помощи, включая право на свидание с защитником в условиях ИВС, они *«выдвигают новые непредусмотренные законом условия для свидания с доверителем (например, оформление повторного ордера, и прочее)».*

Адвокат Ш. указывает, что по его жалобам было вынесено несколько решений Верховного Суда РФ и других судов, которыми такие действия сотрудников конвойной службы признаются незаконными. В обоснование своей позиции он также ссылается на решения ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ.

Описав далее обстоятельства защиты доверителя М.Д., адвокат Ш. перечисляет нарушения, допускаемые сотрудниками конвойной службы ОМВД «В.», а также указывает, что его многочисленные мотивированные обращения по этому поводу в органы прокуратуры и МВД РФ не имели успеха.

В ходе рассмотрения в суде ходатайства государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей обвиняемому М. возможность для конфиденциального общения с ним не была предоставлена ни в ИВС, ни в зале судебного заседания или конвойном помещении суда, несмотря на неоднократные просьбы об этом. Поэтому М., лишенный возможности получить помощь адвоката, не высказал свою позицию по ходатайству гособвинителя и просил адвоката Ш. поддержать его позицию по этому вопросу и также не высказываться по существу ходатайства прокурора, что не противоречит закону. Адвокат Ш. отмечает, что в сложившейся ситуации было неизвестно, желает или не желает возражать его доверитель против продления срока содержания под стражей; имеет ли он возможность внести залог; хочет ли ходатайствовать о домашнем аресте, и если да, то по какому адресу. Не имея данной информации, адвокат Ш. заявил суду о невозможности высказать позицию по существу ходатайства государственного обвинителя.

Т. областной суд в апелляционном порядке отменил постановление о продлении срока стражи для М.Д. в связи с нарушением его права на защиту, однако при этом указал, что адвокат Ш. самоустранился от защиты обвиняемого, чем нарушил законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. По мнению судьи Б., адвокат, вопреки закону, не возражал против требований государственного обвинителя и не привел благоприятные для подзащитного мотивы. Таким образом, вина за нарушения закона В. межрайонным судом Т. области и сотрудниками полиции была возложена на адвоката, обвиненного в нарушении закона и Кодекса профессиональной этики адвоката, с чем адвокат Ш. категорически не может согласиться. Считает, что Квалификационной комиссией были неправильно установлены фактические обстоятельства дела. Из представленного протокола судебного заседания от 03.02.2021 следует, что М.Д. не смог получить помощь защитника, поскольку конвойная служба полиции в зале суда незаконно запретила ему обменяться с адвокатом Ш. письменными документами конфиденциально. Кроме того, суд первой инстанции отказался реагировать на эти незаконные действия конвоя и вопреки требованиям статей 15 и 16 УПК РФ не обеспечил подсудимому получения в перерыве судебного заседания юридической помощи защитника.

Обязанность адвоката Ш. как защитника подсудимого – поддержать позицию своего доверителя. Отказ подсудимого от высказывания своей позиции по ходатайству гособвинителя о продлении срока содержания его под стражей не противоречит закону, поскольку это право обвиняемого, а не обязанность. Тем самым возникла обязанность адвоката Ш. поддержать эту позицию доверителя в его интересах, что и было сделано, и привело к желаемому для доверителя результату – отмене незаконного и необоснованного постановления о продлении срока его содержания под стражей. Суд апелляционной инстанции был вынужден признать, что имеет место существенное нарушение права на защиту подсудимого М.Д.

При этом адвокат Ш. не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что действия сотрудников ИВС затрагивают только его право на свидание с доверителем, и эти действия могут быть обжалованы в отдельном процессе. Он также не согласен с толкованием Комиссией позиций ЕСПЧ, касающихся нарушений статей 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Представитель адвоката Ш. – адвокат М. в заседании Совета поддержала позицию своего доверителя и просила Совет обратить внимание на следующее.

По мнению адвоката М., *«руками адвокатского сообщества поставили цель окоротить строптивного и очень принципиального адвоката»* Ш. Полагает, что адвокат по общему правилу обязан выступать с возражениями по ходатайству о продлении меры пресечения. Однако, по мнению адвоката М., он не может этого сделать в единственном случае – если получил прямой запрет от своего доверителя выступать по этому вопросу. В своём обращении от 05 марта 2021 года его подзащитный М.Д., наряду с другими лестными характеристиками деятельности адвоката Ш., пишет: «Он всегда точно озвучивает мою позицию по делу». Исходя из этого утверждения, следует презюмировать, что адвокат Ш. выполнял требования своего подзащитного, избравшего такую позицию. Следует также констатировать и то, что, избрав такую позицию, они добились отмены неправосудного решения суда первой инстанции по мере пресечения, и, возможно, это было их целью. Суд апелляционной инстанции, отменяя незаконное судебное решение, возложил ответственность за незаконность судебного акта суда первой инстанции на адвоката. Однако требование об обеспечении конфиденциальности общения М.Д. со своим защитником не было обеспечено именно судом ни в зале суда, ни в ИВС.

По мнению адвоката М, придя в ИВС, адвокат не обязан каждый раз предъявлять новый ордер. Такое требование имеет своей целью и умалить роль адвоката и свести роль адвокатского ордера до пустой бумажки. Ордера должны быть документами строгой отчетности и выписывать их «пачками» непозволительно, тем более, на одну стадию процесса. У каждого лица, содержащегося под стражей, есть личное дело, и оно сопровождает его повсюду: и в ИВС, и в СИЗО, и должностные лица хорошо осведомлены о наличии там ордера адвоката. При этом именно адвокат Ш. многократно добился решений Верховного Суда России и других судов, в частности, В. областного суда, об избыточности такого требования. В. областной суд признал это требование воспрепятствованием адвокатской деятельности. И именно невозможность конфиденциального общения вынудила подсудимого М.Д. запретить своему адвокату выступать.

По мнению адвоката М., конечная цель частного постановления в отношении адвоката Ш. – лишить М.Д. защиты независимым и эффективным адвокатом, а не восстановить его права. При этом хотят убрать этого адвоката руками адвокатского сообщества.

Изучив и обсудив Заключение Квалификационной комиссии, материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, Совет признаёт фактические обстоятельства дела правильно установленными Квалификационной комиссией, однако не соглашается с её выводом, исходя из следующего.

Установлено, что адвокат Ш. с 03 сентября 2020 года в В. межрайонном суде Т. области осуществлял защиту подсудимого М.Д. 22 января 2021 года в судебном заседании государственным обвинителем было заявлено ходатайство о продлении М. срока содержания под стражей. В этот же день подсудимым М. и его защитником Ш. было заявлено ходатайство об отложении судебного разбирательства для согласования позиции по ходатайству прокурора. Протокольным решением суда данное ходатайство было удовлетворено, и для предоставления возможности защитнику согласовать свою позицию с подсудимым суд объявил перерыв в судебном заседании до 14.00 час. 3 февраля 2021 года.

Адвокат Ш. предпринял попытку встретиться со своим подзащитным 03 февраля 2021 года в 11.00 час., то есть в день, на 14.00 часов которого было назначено продолжение судебного разбирательства. При этом адвокат Ш. в очередной раз не был допущен в ИВС МО МВД России «В.» по причине своего отказа в повторном представлении ордера, подтверждающего его полномочия защитника М.Д., поскольку такой ордер имелся в личном деле М.Д.

В судебном заседании 03 февраля 2021 года защитником Ш. было вновь заявлено ходатайство об отложении судебного заседания, поддержанное его подзащитным М.Д., для предоставления возможности конфиденциального общения адвоката с доверителем, в удовлетворении которого судом было отказано со ссылкой на достаточность ранее предоставленного защитнику времени для согласования позиции с подзащитным М.Д. в отношении ходатайства государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей.

Как следует из протокола судебного заседания по уголовному делу № ... по обвинению М.Д., последний заявил, что не может высказать позицию по существу ходатайства государственного обвинителя, не получив необходимую ему консультацию защитника, а также из-за плохого самочувствия, и просил суд отложить решение этого вопроса. После этого на предложение суда защитнику Ш. высказать свою позицию по заявленному государственным обвинителем ходатайству о продлении срока содержания под стражей, адвокат Ш. указал, что *«не имеет возможности высказаться, не зная позиции своего доверителя»*. Суд удалился в совещательную комнату, по выходу из которой огласил постановление от 03 февраля 2021 года о продлении подсудимому М.Д. срока содержания под стражей на 3 месяца.

Апелляционным постановлением Т. областного суда от 05 марта 2021 года постановление В. межрайонного суда Т. области от 03 февраля 2021 года было отменено, и материал направлен на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе. Т. областным судом было указано на нарушение права

на защиту подсудимого М.Д. как судом первой инстанции, не обеспечившей реализацию его права на конфиденциальную консультацию защитника, так и адвокатом Ш., который, по мнению суда, злоупотребил своими полномочиями защитника и самоустранился от осуществления защиты путем отказа от высказывания своей позиции по вопросу, касающемуся ограничения конституционных прав подзащитного.

Квалификационная комиссия согласилась с выдвинутым заявителем дисциплинарным обвинением и вынесла заключение о нарушении адвокатом Ш. взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, которое, по мнению Комиссии, выразилось в отказе адвоката 03 февраля 2021 года в заседании В. межрайонного суда Т. области от высказывания своей позиции по ходатайству государственного обвинителя о необходимости продления подсудимому М.Д. срока содержания под стражей.

С этим выводом Комиссии Совет согласиться не может.

Подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлена обязанность адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Поскольку данное предписание закона является обеспечительным по своему назначению, и имеет объектом охраны права и интересы доверителя, то по сложившейся дисциплинарной практике только ему, вступившему в фидуциарные договорные отношения с адвокатом на основании соглашения об оказании юридической помощи, предоставлено право оценивать качество исполнения адвокатом этой обязанности.

Между тем, в материалах настоящего дисциплинарного дела отсутствуют данные о наличии у доверителя адвоката Ш. – М.Д. каких-либо претензий к оказываемой ему адвокатом правовой помощи, в том числе и в судебном заседании 03.02.2021. Напротив, доверитель М.Д. письменно подтвердил, что полностью удовлетворен работой своего защитника. Так, в его заявлении в Адвокатскую палату города Москвы от 05.03.2021 сказано: *«Претензий к работе адвоката не имею, он качественно и квалифицированно оказывает мне юридическую помощь и защищает мои права».*

При указанных обстоятельствах Совет признаёт недопустимой и безосновательной квалификацию рассматриваемых действий адвоката Ш. в судебном заседании 03.02.2021, согласованных с доверителем, как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По той же причине эти действия адвоката Ш. ошибочно признаны Комиссией нарушающими требования п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан ... разумно, добросовестно, квалифицированно,

принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя...»).

Совет в рассматриваемом аспекте не может согласиться с мнением Квалификационной комиссии о том, что практикой Европейского Суда по правам человека признаётся безусловная обязанность государства контролировать действия или бездействие защитника, его способность эффективным образом представлять интересы обвиняемого. Вопреки этому мнению, в решениях ЕСПЧ, как приведенных в Заключении, так и в иных (дела «Камасински против Австрии», «Альварес Санчес против Испании», «Рутковски против Польши», «Ананьев против России», «Рожков против России», «Чекалла против Португалии», «Орлов против России», и др.), речь преимущественно идёт об оценке профессионального поведения адвокатов, вступивших в дела по назначению властей, что и дает заявителям жалоб в ЕСПЧ повод предъявлять претензии государству, обеспечивавшему им юридическую помощь. При этом Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что *«осуществление защиты представляет собой вопрос взаимоотношений обвиняемого и защитника»*, тогда как соответствующие национальные органы обязаны вмешаться только в том случае, если ошибка назначенного адвоката очевидна или на нее обращают их внимание иным образом (см. постановления ЕСПЧ по делам «Камасинский против Австрии», «Дауд против Португалии», «Сабиров против России»). По этой причине Совет соглашается с доводом адвоката Ш., указавшего в своих «Возражениях», что: *«В отношении адвокатов, которые защищают обвиняемого по соглашению об оказании юридической помощи, контроль за недостатками работы адвоката Судом возлагается на самих обвиняемых, которые согласны с действиями адвоката...»*.

В связи с изложенными обстоятельствами Совет приходит к выводу о том, что, во-первых, заявитель в настоящем дисциплинарном производстве – судья Т. областного суда Б., не являющийся доверителем адвоката Ш., не наделён правом выдвигать дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ш. *«фактически самоустранился от осуществления защиты»*, и при этом *«ненадлежащее исполнение адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М.Д. нарушило право на защиту последнего»*, а во-вторых, противоположная позиция самого М.Д., высказанная им как в судебном заседании, так и в письменном заявлении в Адвокатскую палату Москвы, свидетельствует о необоснованности этого обвинения.

Совет также напоминает, что Конституционный Суд РФ в Определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указал: *«Сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении*

адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»))».

Давая оценку дисциплинарному обвинению в нарушении адвокатом Ш. требования ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя... в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), выразившемся, согласно Заключению Квалификационной комиссии, в «отказе адвоката Ш. 03 февраля 2021 года в заседании В. межрайонного суда Т. области от высказывания своей позиции по ходатайству государственного обвинителя о необходимости продления его подзащитному подсудимому М.Д. срока содержания под стражей», Совет приходит к следующему выводу.

Оценка профессионального поведения адвоката Ш. в данной части должна даваться с учётом всей совокупности существенных обстоятельств, правильно установленных Квалификационной комиссией. Адвокатом Ш. предпринимались неоднократные и активные попытки оказать надлежащую помощь своему доверителю М.Д., в том числе и для выработки позиции по существу заявленного государственным обвинителем ходатайства о продлении срока содержания под стражей. Так, из протокола судебного заседания В. межрайонного суда Т. области под председательством судьи У. по уголовному делу № ... видно, что подсудимый М.Д. не менее 20 раз в течение двух судебных заседаний – 15 и 22 января 2021 года безуспешно пытался обратить внимание председательствующего на необходимость проконсультироваться со своим защитником: *Подсудимый на вопрос председательствующего: я вам пока не могу сказать, потому что не получил юридическую помощь, мне надо посоветоваться, как посоветуюсь, так вам и отвечу (стр. 9); Я вам уже сказал, что мне надо пообщаться с адвокатом, получить юридическую помощь (стр. 10); Ну как я могу выразить свое мнение, если я не проконсультирован, мне же нужно проконсультироваться, обсудить позицию. Все должно быть по закону (стр. 12); Я пока не поговорю с адвокатом, ни на какие вопросы я вам не отвечу. Я должен обсудить со своим адвокатом свою позицию (стр. 12); Подсудимый на предложение председательствующего задать вопросы потерпевшему: вопросы задам после консультации своего адвоката. Вопросов много (стр. 17); Вопросы задать желаю, но мне надо проконсультироваться с адвокатом. У меня и к потерпевшему, и к потерпевшей вопросов много, но надо консультацию получить (стр. 26); Не имею возможности ответить на вопрос суда. Только после консультации моего адвоката (стр. 44), и т.п.*

При этом намерения подсудимого получить предусмотренную законом помощь защитника расценены судом как нарушение порядка ведения судебного заседания, о чем свидетельствует следующий фрагмент протокола:

«Подсудимый на вопрос председательствующего: в настоящий момент я желаю получить консультацию адвоката. А как я могу задать вопрос, если вы мне не дадите поговорить с адвокатом.

Председательствующий предупреждает подсудимого о недопустимости нарушения порядка судебного заседания (с. 26)».

На неоднократные попытки защитника Ш. получить согласие суда хоть в какой-то форме проконсультировать доверителя по поводу возникающих у него в ходе процесса вопросов, также следовали неизменные отказы суда. Так, в ответ на ходатайство об отложении судебного заседания, предоставлении перерыва для конфиденциального общения с подзащитным и об обеспечении такой возможности либо в здании суда, либо в ИВС (стр. 4-5), суд постановил: *«Отказать в удовлетворении ходатайства защитника Ш. и подсудимого М.Д. о предоставлении М.Д. возможности получить квалифицированную помощь его защитника в зале судебного заседания, в ходе судебного заседания и ИВС в перерывах судебного заседания на конфиденциальной основе, в том числе посредством обмена с адвокатом письменными документами, как необоснованное» (стр. 6).*

Аналогичные решения принимались судом неоднократно, в том числе вопреки позиции прокурора.

Так, на вопрос председательствующего: *«<...> Ходатайствуете об объявлении перерыва для предоставления вам возможности конфиденциального общения?»*

Защитник: да, конечно, я заявлял об этом. Мне необходимо оказать юридическую помощь и конфиденциально пообщаться с моим подзащитным, в данном судебном заседании. Поэтому прошу обеспечить такую возможность сейчас, сегодня и в дальнейшем судебном заседании и также поясню, что в принципе на сегодняшний день мне достаточно 15-20 минут в надлежащих условиях пообщаться с моим подзащитным <...>.

Государственный обвинитель: думаю, им надо пообщаться <...>.

Суд на месте постановил: с учетом длительности нахождения уголовного дела в производстве суда, достаточности времени общения защитника с подсудимым, и согласования позиции с подсудимым до начала судебного заседания, отказать защитнику Ш. и подсудимому М.Д. в удовлетворении ходатайства об объявлении перерыва в судебном заседании (стр. 7-8).»

Суд систематически не позволял защитнику оказывать правовую помощь своему доверителю. Так:

«<...> Защитник на вопрос председательствующего: я действительно поддерживаю, что подзащитному надо дать возможность получить юридическую помощь конфиденциально, если подсудимому необходима помощь адвоката, то конечно нужно предоставить <...>. Суд на месте

определил: с учетом длительности нахождения дела в производстве суда и достаточного времени для согласования позиции подсудимого и защитника, отказать в удовлетворении ходатайства о предоставлении перерыва в судебном заседании для возможности согласования позиции подсудимого с защитником (стр. 20).

...Защитник: прошу объявить перерыв и предоставить мне возможность для свидания с подзащитным М.Д. наедине и конфиденциально либо в здании суда, либо в ИВС, либо в другом месте для оказания юридической помощи и согласования позиции перед судебным заседанием <...>. Суд на месте постановил: с учетом длительности нахождения дела в производстве суда, достаточности времени для ознакомления с материалами дела и согласования позиции защитника с подсудимым до начала судебных заседаний, отказать стороне защиты в удовлетворении ходатайства об объявлении перерыва в судебном заседании (стр. 37-38).»

С учетом сложившейся в судебном заседании ситуации, подтвержденной содержанием протокола судебного заседания, и следует, по мнению Совета, оценивать события в судебном заседании 3 февраля 2021 года, когда, как и неоднократно ранее, председательствующим судьёй были отвергнуты попытки подсудимого получить правовую помощь защитника, а адвоката Ш. – оказать таковую («Суд на месте постановил: в удовлетворении ходатайства стороны защиты об объявлении перерыва в судебном заседании для обеспечения конфиденциального общения защитника с подсудимым отказать, с учетом длительности нахождения уголовного дела в суде, а также с учетом даты прошлого судебного заседания и достаточности времени для согласования позиции защитника с подсудимым до начала судебного заседания» (стр. 44)).

В сложившейся ситуации одной из основных, и при этом совершенно правомерных, целей стороны защиты было добиться от суда создания условий для оказания адвокатом Ш. своему доверителю М.Д. квалифицированной юридической помощи, и их действия были подчинены именно достижению этой цели. Требовалось проведение конфиденциальных консультаций подзащитного либо в ИВС, где он содержался в период судебного разбирательства, либо непосредственно в суде, о чём настойчиво и многократно заявлялось судье У., которая эти просьбы раз за разом игнорировала.

Ситуация не изменилась и в ходе рассмотрения в судебном заседании ходатайства государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей подсудимому М.Д. Так, в протоколе судебного заседания указано:

«Председательствующий выясняет мнение защитника и подсудимого по ходатайству государственного обвинителя о продлении срока содержания под стражей.

Защитник: я высказался.

(Председательствующий): мнения есть у вас?

Защитник: я не имею возможности высказаться, не зная позицию своего доверителя.

Подсудимый: не имею возможности ответить на вопрос суда, только после консультации моего адвоката.

<...> Председательствующий объявляет об удалении в совещательную комнату для вынесения постановления (стр. 45).»

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что высказывание адвоката Ш. («не имею возможности высказаться, не зная позицию своего доверителя»), в сочетании с очередным заявлением подсудимого суду о необходимости «консультации моего адвоката», является не отказом изложить свою позицию и, тем более, не самоустранением от защиты и приведения доводов в пользу подзащитного, а констатацией невозможности это сделать в силу воспрепятствования деятельности защитника и нарушения права подсудимого на защиту со стороны суда, что подтвердил и суд апелляционной инстанции. Такая позиция адвоката Ш. одновременно являлась и продолжением попыток процессуальными средствами добиться предоставления возможности надлежащего конфиденциального общения обвиняемого с адвокатом путем объявления перерыва.

То обстоятельство, что и в данном случае законные требования подсудимого и его защитника об обеспечении права на защиту остались без должного реагирования суда, вместо этого удалившегося для вынесения постановления о продлении срока содержания М.Д. под стражей, не свидетельствует о нарушении адвокатом Ш. каких-либо норм процессуального законодательства, равно как и законодательства об адвокатской деятельности и требований профессиональной этики.

При этом Совет считает необходимым подчеркнуть, что, занимая анализируемую позицию в судебном заседании 03 февраля 2021 года, адвокат Ш. руководствовался не «запретом» доверителя на высказывание позиции, а собственной профессиональной оценкой сложившейся ситуации, в которой он действительно был лишён судом возможности обсудить с доверителем, сформулировать и представить суду более конкретные доводы по существу заявленного государственным обвинителем ходатайства. В материалах дисциплинарного производства не содержится доказательств уклонения или отказа адвоката Ш. от исполнения каких-либо обязанностей защитника, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе и в судебном заседании 03 февраля 2021 года.

Совет соглашается с заявителем в оценке действий В. межрайонного суда Т. области, высказанной в Апелляционном постановлении Т. областного суда от 05 марта 2021 года, где сказано, что право подсудимого М.Д. иметь предусмотренное п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ свидания с защитником наедине и конфиденциально без ограничения их продолжительности было нарушено, поскольку он не имел возможности обсудить заявленное прокурором

ходатайство о продлении срока содержания под стражей с защитником. Апелляционная инстанция обоснованно констатировала факт *«лишения подсудимого возможности воспользоваться квалифицированной юридической помощью»*, вполне определенно указав виновного в этом: *«Суд первой инстанции должен был предоставить возможность консультации подсудимого с защитником»*.

Возложение ответственности за допущенное судом грубое нарушение закона на адвоката Ш., настойчиво добивавшегося соблюдения прав своего доверителя, Совет полагает недопустимым.

Что касается приведенного в Заключении Квалификационной комиссии довода о том, что *«адвокат Ш. путем предоставления дополнительного ордера имел реальную возможность обеспечить необходимую ему встречу с подзащитным в условиях ИВС...»*, то Совет, прежде всего, признаёт его не влияющим на правовую оценку действий адвоката Ш. в судебном заседании 03 февраля 2021 года, являющихся предметом дисциплинарного обвинения.

Кроме того, ч. 4 ст. 49 УПК РФ устанавливает, что адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Вступление адвоката в дело является однократным актом и не дублируется при каждом свидании с подзащитным. Адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом (ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Требование о представлении адвокатом ордера при каждом свидании с подзащитным, содержащимся под стражей, законодательством не предусмотрено.

Как следует из материалов дисциплинарного производства (заявление адвоката Ш. от 21.10.2020 на имя начальника ИВС ОМВД России «В.» о приобщении к личному делу обвиняемого М.Д. ордера на защиту его интересов от 21.10.2020 № ... и ответ начальника МО МВД России «В.» Д. от 18.02.2021 № ... о том, что ордер № ... находится в личном деле М.Д.), для прохода в ИВС в целях посещения своего подзащитного адвокат Ш. представил ордер, и поэтому требования предъявить еще какие-либо ордера являлись незаконными. Это было особенно очевидно для адвоката Ш., ранее успешно и неоднократно добивавшегося в судебном порядке признания таких требований незаконными (см. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам В. областного суда от 10 июля 2018 года № ...). Будучи уверенным в своей правоте, адвокат Ш. обоснованно обжаловал в установленном законом порядке аналогичные незаконные требования должностных лиц МО МВД России «В.». В материалах дисциплинарного производства содержатся его жалобы от 03.02.2021 по этому вопросу в В. межрайонную прокуратуру Т. области, начальнику МО МВД России «В.» и в В. межрайонный суд Т. области.

При таких условиях Совет не считает возможным ставить в вину адвокату Ш. неисполнение им явно незаконных требований, в том числе и в качестве способа получения доступа к подзащитному.

По указанным причинам Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства дела, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ш. неопровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объёме.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по обращению (частному постановлению) судьи Т. областного суда Б. от 05 марта 2021 года (вх. № ... от 15.03.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

12. Адвокат получил замечание за использование в письменном ходатайстве недопустимых выражений, содержащих оценки личности процессуального оппонента.

Квалификационная комиссия 07 июля 2021 года вынесла ЗаклЮчение о нарушении адвокатом Ч. взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), п. 2 ст. 8, и п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле»), что выразилось в указании адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 года по уголовному делу № ... в отношении А., адресованном Генеральному прокурору Российской Федерации, фразы *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»*

Одновременно с этим в ЗаклЮчении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части указанного дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч. вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката

Адвокат Ч. в заседании Совета поддержал ранее представленные письменные Возражения на ЗаклЮчение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 24.09.2021), в которых выразил несогласие в части установленного

Комиссией нарушения, просил Совет принять во внимание, что Актом экспертного исследования от 23.09.2021 г. № ..., выполненным лицом, обладающим специальными познаниями в области лингвистики, установлено, что смысловая направленность текста ходатайства Генеральному прокурору России заключается в информировании о сложившейся ситуации с расследованием уголовного дела и побуждении разобраться в этой ситуации путем привлечения высшего органа, осуществляющего надзор за исполнением законов – прокуратуры России; в тексте ходатайства отсутствуют высказывания, содержащие угрозы применения насилия в отношении каких-либо должностных лиц; отсутствуют высказывания, содержащие унижительную оценку какого-либо лица; отсутствуют бранные, грубые слова и выражения.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии согласна в полном объёме. Считает, что за допущенные нарушения к адвокату Ч. должна быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения. В связи с приобщением адвокатом Ч. к материалам дисциплинарного производства Акта экспертного исследования от 23 сентября 2021 года № ... сообщила, что, по ее мнению, указанное экспертное исследование не относится к предмету настоящего дисциплинарного разбирательства, предметом которого является проверка действий адвоката на соответствие требованиям статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката об уважении к лицам, участвующим в деле, и выражении возражений в корректной форме.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается в полном объеме с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

17 декабря 2020 года адвокат Ч., являясь защитником А. по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве ГСУ СК России по М. области, подал в отделе личного приема Генеральной прокуратуры Российской Федерации ходатайство на имя Генерального прокурора Российской Федерации в интересах подзащитного А.

В текст данного ходатайства адвокат Ч. при обосновании своей позиции включил, в частности, следующие выражения:

«что следователь К... фальсифицировал протоколы допросов» (страница 1 абзац 1 снизу);

«один следователь, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина в совершении тяжких преступлений» (страница 2 абзац 7, страница 3 продолжение этого же абзаца);

«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.» (страница 3 абзац 7 со страницы 2);

«следователь Ш. вступила... в корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.» (страница 3 абзац 4);

«и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования» (страница 4 абзац 2);

«...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности» (страница 4 абзац 4).

Употребление данных выражений в своем ходатайстве от 17 декабря 2020 года адвокатом Ч. не оспаривается.

В представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 апреля 2021 года № ... (вх. № ... от 28.04.2021) указано, что вышеизложенные фразы могут свидетельствовать о нарушении адвокатом Ч. требований подпункта 4 пункта 1 статьи 7 Закона об адвокатуре; пункта 2 статьи 5; пункта 2 статьи 8; пункта 1 статьи 12 Кодекса.

Оценивая вышеперечисленные выражения, использованные адвокатом Ч. в ходатайстве на имя Генерального прокурора Российской Федерации от 17 декабря 2020 года, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что во фразах: *«что следователь К... фальсифицировал протоколы допросов»; «один следователь, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина в совершении тяжких преступлений»; «следователь Ш. вступила... в корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.»; «и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования» и «...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности» отсутствуют нарушения требований профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.*

Употребление адвокатом Ч. данных выражений как самостоятельно, так и в контексте тех доводов, которые приведены им в ходатайстве, поданном в защиту прав и законных интересов подзащитного А., было обусловлено

личной оценкой адвокатом Ч. деятельности сотрудников следственных органов при расследовании уголовного дела № ... в отношении А. На такую оценку адвокат Ч. как профессиональный участник уголовного судопроизводства имел полное право, при этом каких-либо неуважительных и оскорбительных высказываний в этой части он не допустил.

Статья 119 УПК РФ предусматривает право защитника обратиться с соответствующим ходатайством для обеспечения прав и законных интересов представляемого им лица. Адвокатом Ч. данное право было реализовано через обращение к Генеральному прокурору Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым государством (статья 1, часть 1), в котором права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита - обязанностью государства (статья 2). Развивая эти установления, относящиеся к основам конституционного строя Российской Федерации, Конституция Российской Федерации закрепляет, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации, в том числе согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статья 17, часть 1), являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18).

Вместе с тем, в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если они отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права; при допустимости ограничения того или иного конституционного права государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, четкой, не допускающей

расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации полностью применимы к регулированию федеральным законодателем свободы мысли и слова, которая гарантируется каждому статьей 29 Конституции Российской Федерации и означает, что никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, и что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (части 1, 3 и 4).

Кроме того, эти правовые позиции применительно к реализации гражданами Российской Федерации права на свободу слова корреспондируют положениям статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (пункт 1); осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (пункт 2) *(См. напр. п. 1.4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 14-П «По делу о проверке конституционности положений п. 10 ч. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20¹ Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина)*.

Часть 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», а также нормы УПК РФ наделяют органы прокуратуры полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

В этой связи обращение адвоката Ч. с информацией о нарушении закона следственными органами, допущенными при расследовании уголовного дела № ... в отношении А., является надлежащим исполнением профессиональных обязанностей и не нарушает взаимосвязанные положения пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, полагает, что каждая из вышеперечисленных фраз, указанная адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 года, обосновывалась им соответствующими фактическими данными со ссылками на обстоятельства и материалы уголовного дела. Проверка достоверности и обоснованности этих ссылок не относится к компетенции органов адвокатского самоуправления.

В то же время, органы прокуратуры Российской Федерации обладают соответствующей компетенцией по проверке доводов о совершении теми или иными лицами, включая должностных лиц следственных органов, противоправных действий при реализации своих полномочий, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Каких-либо доказательств того, что сведения, изложенные в ходатайстве адвоката Ч. Генеральному прокурору Российской Федерации от 17 декабря 2020 года о противоправных и незаконных действиях следователей ГСУ СК России по М. области и руководства этого подразделения при расследовании уголовного дела № ... в отношении А., не имели под собой никакой фактической основы, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. в части использования им в ходатайстве Генеральному прокурору Российской Федерации от 17 декабря 2020 года фраз: *«что следователь К... фальсифицировал протоколы допросов»; «один следователь, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина в совершении тяжких преступлений»; «следователь Ш. вступила... корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.»; «и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования» и «...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности»* подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Оценивая фразы, употреблённые адвокатом Ч. в том же ходатайстве: *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»* (цитата: страница 3 абзац 7 ходатайства со страницы 2), Совет приходит к выводу о том, дисциплинарное обвинение в этой части нашло свое подтверждение.

Деловое общение есть особый вид общения, реализуемый в совместной профессионально-предметной деятельности людей и возникающий на основе

определенного вида деятельности, связанного с производством какого-либо продукта или делового эффекта (см. *Государственная служба: культура поведения и деловой этикет*. М.: РАГС, 1998, С. 160).

По общему правилу делового общения формулирование претензии к конкретной профессиональной деятельности оппонента исключает возможность оценки личности самого оппонента, включая его личные и профессиональные качества, так как предметом делового общения является исключительно дело.

Приведённые адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 года оценки личности следователя Ш. очевидно не требовались с точки зрения существа защиты обвиняемого А., являлись бездоказательными. Более того, они ни при каких обстоятельствах не могли быть приняты во внимание адресатом обращения адвоката Ч. и учтены при принятии решения по заявленному им ходатайству.

Таким образом, высказывания адвоката Ч., содержащиеся в обозначенном фрагменте текста, не только не способствовали защите прав и законных интересов подзащитного А., а, напротив, создавали возможность отказа от полноценного рассмотрения ходатайства адвоката Ч., так как могли повлечь вывод о злоупотреблении правом с его стороны.

Согласно позиции Европейского Суда по правам человека, ограничения свободы выражения мнения должны быть соизмеримы с целью, ради которой они были предприняты, и должны оцениваться, исходя из критериев их пропорциональности (см. *Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека*. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 236).

Совет обращает внимание и на то, что, в отличие от устного выступления, требующего порой незамедлительной реакции защитника на происходящее нарушение прав и законных интересов защищаемого лица и допускающего в этой связи ярко окрашенные эмоциональные фразы и выражения, при составлении письменного документа адвокат во всех случаях имеет возможность сформулировать свои доводы в строгом соответствии с правилами делового общения, исключив недопустимые в официальной переписке эмоциональную окраску описываемых обстоятельств и оценку личности участника тех или иных правоотношений.

Совет не соглашается с позицией адвоката Ч., изложенной в Возражении на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 24.09.2021), о том, что Актом экспертного исследования от 23.09.2021 № ..., приложенного к Возражению адвоката Ч., подтверждается отсутствие в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие оценки являются исключительной компетенцией органов адвокатского самоуправления. Вместе с тем, в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 апреля 2021 года № ... (вх. № ... от 28.04.2021) о возбуждении дисциплинарного

производства в отношении адвоката Ч. отсутствуют дисциплинарные обвинения в высказывании адвокатом угроз применения насилия в отношении каких-либо должностных лиц, в оскорблении какого-либо лица, в том числе с использованием бранных, грубых слов и выражений.

Однако указанные выше высказывания адвоката Ч., являясь бесполезными для защиты интересов доверителя, очевидно не соответствуют правилам делового общения, поскольку содержат оценки личности процессуального оппонента, включая личные и профессиональные качества этого лица, так как предметом делового общения в уголовном судопроизводстве являются исключительно действия (бездействие) и решения должностных лиц и органов, осуществляющих расследование и рассмотрение уголовных дел.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Ч., указав в своём письменном ходатайстве от 17 декабря 2020 года Генеральному прокурору Российской Федерации фразу: *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»*, допустил нарушение взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 8, и п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат, обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, придерживаясь манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявляя уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ч. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что он к дисциплинарной ответственности ранее не привлекался, допущенное им нарушение не причинило существенного вреда. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

Применить к адвокату Ч. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), п. 2 ст. 8, и п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле»), что выразилось в указании адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 года по уголовному делу № ... в отношении А., адресованном Генеральному прокурору Российской Федерации, фразы *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»*

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 апреля 2021 года № ..., основанному на информации из ГСУ СК России по М. области от 10 марта 2021 года (вх. № ... от 28.04.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

13. Адвокату объявлено замечание за опубликование персональных данных свидетеля по делу без его согласия.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года адвокатом В. допущено нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокатура действует на основе принципов законности...»), пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан ... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами») и п. 1, 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан ... разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности... уважать права других лиц»), что выразилось в опубликовании адвокатом В. не позднее 29 января 2021 года в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своей странице в социальной сети Twitter по адресу <<https://twitter.com/...>>, в нарушение положений ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», светоконии протокола допроса свидетеля Р.Д. от 23 января 2021 года, без обезличивания содержащихся на титульном листе данного протокола персональных данных указанного лица, включая фамилию,

имя, отчество, дату рождения, место жительства и номер сотового телефона свидетеля, полученного адвокатом В. в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей.

Адвокат В. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился. Полагает, что в его действиях отсутствует какой-либо дисциплинарный проступок, потому что у него не было умысла на разглашение персональных данных свидетеля, это произошло невольно, и впоследствии он удалил протокол этот допроса. Цель его размещения состояла в том, чтобы общественность могла познакомиться непосредственно с его показаниями. Так как этот протокол позже был оглашен в ходе открытого судебного заседания, полагает, что не нарушил права этого свидетеля, и он сам не выразил свое отношение к этому размещению, заявлял, что его права нарушены.

Отвечая на заданные членами Совета вопросы, адвокат В. согласился с тем, что в силу требований закона не должен был публиковать персональные данные свидетеля без его согласия. И в подтверждение этого указал, что размещенный протокол допроса был им удален.

Представитель адвоката В. - адвокат П. в заседании Совета просил обратить внимание на политически мотивированный и абсурдный характер дела, в связи с работой по которому адвокат В. опубликовал протокол допроса свидетеля. На стороне обвинения по этому делу задействована «вся мощь пропагандистского аппарата». Этому адвокат может противопоставить какие-то лишь свои социальные сети, что он и попытался сделать, совершив ошибку в части опубликования персональных данных. Но при этом Квалификационная комиссия в своем Заключении сделала, по сути, неверный вывод, признав надуманным довод адвоката В. о том, что он хотел именно показать характер доказательств по делу, а не персональные данные свидетеля. В материалах дисциплинарного производства имеется комментарий самого адвоката В. в сети Twitter, где он описывает не персональные данные Р.Д., а его показания, и при этом выложена не только первая страница с персональными данными, а все показания, и если бы он хотел выложить исключительно персональные данные и разгласить их, то он специально выложил бы одну страницу. При таких условиях, с учетом признания адвокатом В. своей ошибки, полагает, что нельзя говорить об умышленном распространении им персональных данных, можно вести речь только о неосторожности, возможно, грубой. Кроме того, не установлена степень ущемления прав гражданина Р.Д., а права гражданина Р., который обратился в Минюст, никак не затронуты действиями адвоката В. Полагает, что в данном случае применима норма статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката о том, что не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса, однако в силу малозначительности не

порочающее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате. Поэтому в качестве способа разрешения дисциплинарного дела он (представитель П.) просит Совет вынести решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката В., его представителя адвоката П., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что адвокатом В. осуществляется защита С., привлекаемой к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 236 УК РФ. При ознакомлении 29 января 2021 года с материалом, представленными в Т. районный суд города Москвы вместе с ходатайством следователя об избрании С. меры пресечения в виде домашнего ареста, адвокатом В. были сделаны фотокопии документов, содержащихся в данном материале, в состав которых входил протокол допроса свидетеля Р.Д. от 23 января 2021 года.

Как следует из пояснений самого адвоката В., еще до начала судебного заседания по вопросу об избрании С. меры пресечения им на своей странице в социальной сети Twitter по адресу <<https://twitter.com/...>> была опубликована светоконпия протокола допроса свидетеля Р.Д., включая титульный лист данного протокола, где были указаны персональные данные указанного лица, а именно: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место жительства и номер сотового телефона свидетеля. При этом согласия Р.Д. на распространение его персональных данных путем опубликования допроса последнего в качестве свидетеля адвокатом В. не было получено.

В соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», к персональным данным относится любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Статья 7 того же закона предписывает, что лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом. Этому положению корреспондируют требования ст. 11 УПК РФ, регламентирующие охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и распространяющиеся, в том числе, на свидетеля. Более того, уголовно-процессуальный закон (часть 3 ст. 11 УПК РФ) предусматривает возможность обеспечения безопасности свидетеля при наличии к тому оснований.

Сведения, содержащиеся на титульном листе протокола допроса свидетеля Р.Д. от 23 января 2021 года, представляют собой его персональные данные. При этом каких-либо законных оснований для раскрытия адвокатом В. неопределенному кругу лиц персональных данных свидетеля Р.Д. не

имеется. Самим адвокатом В. таких оснований в объяснении своих действий не приведено.

Совет принимает во внимание довод адвоката В. о его желании, в связи с большим общественным резонансом уголовного дела в отношении С., продемонстрировать неограниченному кругу лиц не персональные данные свидетеля Р.Д., а характер доказательств, обосновывающих решение следователя о привлечении С. к уголовной ответственности и избрании в её отношении меры пресечения в виде домашнего ареста. Однако этот довод не влияет на оценку действий адвоката В., поскольку у него имелись все возможности для удаления персональных данных свидетеля Р.Д. из протокола его допроса перед опубликованием последнего, однако этого сделано не было.

Совет не может согласиться с доводом представителя адвоката В. - адвоката П. о малозначительности проступка адвоката В., поскольку этим проступком нарушены охраняемые законом гарантии неприкосновенности персональных данных гражданина.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката В. за допущенное нарушение, Совет учитывает, что он ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал ошибочность своих действий, совершённых по грубой неосторожности. Совет также учитывает, что Р.Д., чьи персональные данные были разглашены адвокатом В., с жалобами о нарушении своих прав не обращался, а представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве основано на обращении Р., правам которого никакого вреда действиями адвоката В. не причинено.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к адвокату В. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату В. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокатура действует на основе принципов законности...»), пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан ... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами») и п. 1, 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат

обязан ... разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности...уважать права других лиц»), что выразилось в опубликовании адвокатом В. не позднее 29 января 2021 года в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своей странице в социальной сети Twitter по адресу <<https://twitter.com/...>>, в нарушение положений ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», светоконии протокола допроса свидетеля Р.Д. от 23 января 2021 года, без обезличивания содержащихся на титульном листе данного протокола персональных данных указанного лица, включая фамилию, имя, отчество, дату рождения, место жительства и номер сотового телефона свидетеля, полученного адвокатом В. в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей.

14. Размещение на сайте адвокатского образования видеосюжета, подготовленного и вышедшего в эфире СМИ, с изображением и персональными данными доверителя, не влечёт дисциплинарной ответственности.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года дисциплинарное производство в отношении адвоката К. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В обращении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве указывается, что на интернет-сайте адвоката К. (<https://...>) без согласия доверителя размещен видеосюжет с Г. и ее дочерью, где имеется их изображение, указываются фамилия, имя, отчество, информация о факте обращения за юридической помощью. К обращению приложены скриншоты с указанного интернет-сайта.

Адвокат К. все выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения последовательно отрицает, указывая, что он являлся представителем гражданки Г. как потерпевшей по уголовному делу. 13 июля 2018 года на региональном телеканале «360 Новости» вышла передача, посвящённая нарушениям в расследовании указанного уголовного дела, в которой заявитель Г. и адвокат К. принимали участие. Правообладатель передачи – телеканал «360 Новости» самостоятельно разместил видеозапись этой передачи в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте «YouTube», в связи с чем она получила широкое распространение в сети «Интернет» путем перепостов, в частности, на сайте «Б.» в Яндекс.Дзен. и в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники и так далее), так как имела большой общественный интерес. После официального размещения передачи в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», адвокат К.

разместил на своём сайте этот видео-контент. При этом заявитель Г. не обращалась к нему по вопросу удаления данной видеозаписи с его интернет-сайта. Адвокат К. отрицает, что им делались публичные высказывания, в которых бы сообщались фамилия, имена, отчества доверителей, а также об обстоятельствах обращения Г. за юридической помощью, а также не совершалось иных действий по раскрытию адвокатской тайны.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в действиях адвоката К. отсутствуют нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, в том числе нарушения требований: пункта 2 статьи 3; подпункта 4 пункта 1 статьи 7 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; пункта 1 статьи 4; пунктов 2, 3 статьи 5; пунктов 2, 3 статьи 6; пункта 5 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства приведённые выше объяснения адвоката К. подтвердились. В том числе, установлено, что не позднее 13 июля 2018 года Г. и её дочь согласились стать участниками съёмок указанной телепередачи, в ходе которой они добровольно сообщили о сложностях в расследовании уголовного дела по факту гибели их родственницы. Данный видеосюжет 13 июля 2018 года вышел в эфир «Сетевого издания «360tv.ru» в информационно-коммуникационной сети «Интернет», на русском сегменте портала www.youtube.com.

В представленных Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве скриншотах страниц с сайта <<https://...>>, отсутствуют какие-либо сведения о фамилии, имени, отчестве доверителей адвоката К., включая гражданку Г. и её дочь, а равно отсутствуют сведения о каких-либо фактах обращения к адвокату К. со стороны Г. за юридической помощью.

Из содержания сюжета, опубликованного «Сетевым изданием «360tv.ru», следует, что в нём принимал участие и адвокат К., который прокомментировал качество работы следственных органов по данному делу. При этом, вопреки утверждениям в Представлении, никаких сведений о фамилиях, имени, отчестве доверителей адвоката К., а равно о каких-либо фактах обращения к нему за юридической помощью со стороны Г. адвокатом сообщено не было. Фамилии и имена участников телесюжета «Сетевого издания «360tv.ru» называются либо за кадром самими журналистами, либо выводятся сотрудниками средства массовой информации в виде текста непосредственно на экране.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что к изготовлению данного сюжета, указанию в нём различных персональных данных Г. и её дочери, размещению этого сюжета в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» адвокат К. не имеет никакого отношения. Публичное размещение

телевизионного сюжета было осуществлено средством массовой информации «Сетевое издание «360tv.ru».

Подпункты 1 и 2 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ определяют, что согласие лица для обнародования и дальнейшего использования видеозаписи, где он изображен, не требуется, если изображение гражданина используется в общественных или иных публичных интересах, а равно в том случае, если такое изображение получено при съёмке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения. В соответствии с п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16 «О практике применения судами закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде. Сам сюжет снят в публичном месте – на улице города, при этом каких-либо данных о тайном (скрытом) ведении видеосъёмки Г. и её дочери не усматривается. Как следует из сюжета, Г. очевидно понимает, что происходит съёмка, демонстрирует для фиксации видеокамерой различные документы. Кроме того, сам факт съёмки такого телесюжета не отрицается ею и в обращении в Министерство юстиции Российской Федерации от 01 февраля 2021 года.

Каких-либо доказательств, опровергающих презумпцию добросовестности адвоката К., Главным управлением Министерства юстиции по Российской Федерации по Москве не представлено. Напротив, все представленные доказательства очевидно свидетельствуют о том, что впервые видеоизображение Г. и её дочери было осуществлено «Сетевым изданием «360tv.ru», после чего этот же сюжет, с сохранением всех идентификационных данных правообладателя данного видео-контента, был размещен адвокатом К. на своем персональном сайте.

Таким образом, Совет по результатам рассмотрения дисциплинарного производства приходит к выводу о том, что сам факт размещения адвокатом К. на своём профессиональном сайте видеосюжета с изображением Г. и её дочери, размещенного до этого в публичном пространстве, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», средством массовой информации «Сетевое издание «360tv.ru», дисциплинарного нарушения не образует, и такое размещение не требовало получения адвокатом согласия Г.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката К. не опровергнута, а выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения необоснованны.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К., возбужденное по представлению Главного

управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 26 февраля 2021 года № ..., основанному на обращении Г. от 01 февраля 2021 года (вх. № ... от 29.03.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

15. Адвокату объявлено замечание за размещение недопустимой информации на своём сайте. На сайте адвоката были помещены оценочные характеристики адвоката и его коллег: «лучшие адвокаты Москвы», «у нас лучшие услуги», что недопустимо. Помимо этого, были размещены недопустимые утверждения: «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора», «Выиграно 92 % дел. Взыскано 80 % долгов».

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15 сентября 2021 года адвокатом С. допущены:

1) нарушение положений пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта <...> наименования «С. и партнеры» без указания на принадлежность адвоката С. к Коллегии адвокатов города Москвы «...»;

2) нарушение положений пп. 1 и 3 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании наименования «Лучшие адвокаты Москвы» в качестве наименования страницы <...>, а также заголовка «У нас лучшие услуги» на страницах сайта <...>;

3) нарушение положений пп. 2 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта <...> отзывов А. и Сл.;

4) нарушение положений пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта <...> утверждения: «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора»;

5) нарушение положений пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта <...> информации о том, что им «Выиграно 92 % дел. Взыскано 80 % долгов».

Кроме того, в том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве (далее ГУ МЮ РФ по Москве) Е. в заседании Совета

подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась.

Дополнительно отметила, что просит при вынесении решения учесть тяжесть правонарушений, которые установлены Квалификационной комиссией в ходе всестороннего дисциплинарного разбирательства. Квалификационная комиссия действительно установила грубейшие нарушения Кодекса профессиональной этики адвокатов. Это, в частности, размещение в сети Интернет информации, не соответствующей действительности, о количестве оправдательных приговоров, выигранных делах адвоката, размещение информации о себе в превосходной степени («лучший адвокат Москвы», «лучшие услуги»), а также незаконное размещение отзывов о работе адвоката. Такая информация ни при каких обстоятельствах не допускается в профессиональной среде адвокатов и вводит в заблуждение доверителей. Также просит Совет учесть длительное нарушение адвокатом С. Кодекса профессиональной этики адвоката. Как установлено Квалификационной комиссией, указанная информация имелась на данном сайте задолго до изготовления скриншотов, приложенных к представлению. Просит также учесть Совет пренебрежительное отношение адвоката С. к Правилам поведения адвоката в сети Интернет, которое утверждено Советом ФПА РФ 28 сентября 2016 года. Поддерживает представление в полном объеме и с учётом тяжести и длительности нарушений просит прекратить статус адвоката С.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился. Дополнительно пояснил следующее. По поводу указания на «С. и партнеры» - действительно было такое указание, но без того, что это именно коллегия адвокатов. Он и все его партнёры состояли в коллегии адвокатов «...», работали вместе. То, что это некорректно, он согласен, но цели вводить в заблуждение не преследовал и членство в коллегии адвокатов «...» не скрывал. По поводу указания на количество дел, ему тогда казалось, что примерно оно соответствовало подсчетам. Но он согласен, что не надо было это указывать. Он действительно думал, что это было удалено в 2019 году, о чем писал в своих объяснениях в палату. Но в ходе рассмотрения в Комиссии увидел, что есть страница «Адвокат С. Хоум» (<https://...>), которая в поиске не выдается. Она действительно была, сейчас уже удалена, прямо в тот же день. И таким образом со всеми этими нарушениями, которые были изложены в Заключении, он согласен. Считает, что комиссия подошла объективно, а нарушения все устранены. Также считает важным отметить, что ни одной жалобы ни от доверителей, ни от прокуроров, судей и коллег по работе не поступало за время его адвокатской работы. В том числе, это видно из его характеристики из коллегии адвокатов «...». Она имеется в материалах дисциплинарного производства. То есть, никаких пострадавших от тех нарушений, которые им допущены и которые он признает, нет. Поэтому он считает, что, наверное, заслужил какое-то наказание, но наказание в виде

прекращения статуса слишком суровое, на его взгляд, потому что никакого ущерба никому не нанесено. Обязуется больше подобное не совершать. А что касается двух отзывов, опубликованных на сайте, то они о его борьбе за прекращение деятельности мусоросжигательного завода №

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но считает необходимым частично изменить её выводы.

Так, установлено, что в представлении ГУ МЮ РФ по Москве от 30 июля 2021 года № ... в отношении адвоката С. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

1) размещение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своем персональном сайте сведений об осуществлении адвокатской деятельности в Коллегии адвокатов «С. и Партнёры», которая не зарегистрирована в установленном законом порядке, что по доводам представления вводит потенциальных доверителей адвоката С. в заблуждение об адвокатском образовании, где он фактически осуществляет свою деятельность, а также свидетельствует о нарушении требований п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» об осуществлении адвокатом своей деятельности только в одном адвокатском образовании;

2) размещение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своем персональном сайте оценочных характеристик адвоката и заявлений, которые могут вызвать безосновательные надежды потенциальных доверителей, включая размещение на интернет-страницах своего сайта:

- наименования «Лучшие адвокаты Москвы», а также заголовка «У нас лучшие услуги»;

- отзывов о работе адвоката С.;

- указания на то, что «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора»;

- указания на то, что адвокатом С. «Выиграно 92 % дел. Взыскано 80 % долгов»;

- фотографии адвоката С. в форме сотрудника Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (*далее ФССП РФ*) с указанием: «Адвокат С., с опытом работы заместителем главного судебного пристава ФССП ..., поможет вернуть долг через суд», что рассматривается как позиционирование адвоката С. не только как адвоката, но и как заместителя руководителя Главного управления ФССП по ... области, формирующее у потенциальных доверителей мнение о возможности реализации позиции доверителей с помощью личных связей с работниками ФССП по ...

Согласно п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не

содержит: 1) оценочных характеристик адвоката; 2) отзывов других лиц о работе адвоката; 3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов; 4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды. Разъяснение об отдельных аспектах применения приведенных положений давались Комиссией ФПА РФ по этике и стандартам в Разъяснении от 28 января 2016 года № 03/16 и Разъяснении от 17 апреля 2019 года №01/19.

Совет признаёт, что дисциплинарные обвинения адвоката С. в совершении действий, нарушающих предписания ч.1 ст.17 Кодекса профессиональной этики адвоката, частично нашли свое подтверждение в ходе дисциплинарного разбирательства.

Установлено, и не отрицается адвокатом С., что размещенный в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сайт <...> принадлежит ему самому. При этом на указанном сайте на странице <...> с наименованием «Лучшие адвокаты Москвы» размещены фотографии адвокатов, включая С.; анимация, содержащая сменяющиеся заголовки: «У нас лучшие услуги», «У нас демократичные цены», «У нас индивидуальный подход»; положительные отзывы.

Кроме того, в процессе дисциплинарного разбирательства по результатам осмотра архивных копий страниц того же сайта установлено, что:

- по состоянию на 01 ноября 2020 года и на 24 января 2021 года в подразделе сайта «Судебное взыскание долга» была размещена фотография адвоката С. в форме сотрудника ФССП РФ с подписью: «Адвокат С., с опытом работы заместителем главного судебного пристава ФССП ..., поможет вернуть долг через суд», в также подзаголовок: «Три причины обратиться к адвокату С.». В качестве первой причины указывается: «Реальный успешный опыт побед в судебных процессах по взысканию долгов совместно со штрафами, судебными расходами и моральным вредом. Выиграно 92 % дел. Взыскано 80 % долгов». В качестве второй причины указывается: «Реальный опыт взыскания долгов с подчиненными судебными приставами м. региона (до получения статуса адвоката С. занимал должность заместителя главного судебного пристава ..., занимался вопросами исполнительного производства, ареста и реализации имущества должников, возбуждения уголовных дел в отношении должников, розыска должников и их имущества)»;

- по состоянию на 01 октября 2020 года в подразделе сайта «Адвокат (защитник) по уголовным делам» была размещена информация о том, что «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора»;

- по состоянию на 20 сентября 2020 года и на 03 марта 2021 года на сайте имелись активные ссылки, озаглавленные как: «Адвокат в суде присяжных заседателей | Лучшие адвокаты Москвы | С. & ПАРТНЁРЫ», «Протокол судебного заседания. Как не дать себя обмануть? | Лучшие адвокаты Москвы | С. & ПАРТНЁРЫ».

Относительно дисциплинарного обвинения адвоката С. в том, что на страницах сайта <...> были размещены сведения об осуществлении адвокатской деятельности в коллегии адвокатов «С. & Партнёры», которая не зарегистрирована в установленном законом порядке, и в том, что адвокат С. осуществляет свою деятельность одновременно в коллегии адвокатов города Москвы «...» и в коллегии адвокатов «С. & Партнёры», Совет, вопреки мнению Квалификационной комиссии, не усматривает в данной части дисциплинарного нарушения по следующим причинам.

Дисциплинарным разбирательством установлено, что «С. & ПАРТНЁРЫ» позиционируется на сайте адвоката С. как профессиональное объединение, а не как коллегия адвокатов или иное адвокатское образование. При этом принадлежность адвоката С. к адвокатскому образованию - коллегии адвокатов города Москвы «...» не скрывается и прямо указывается на сайте. Отнесение адвоката к тому или иному неформальному адвокатскому объединению само по себе не означает одновременное осуществление им адвокатской деятельности более чем в одном адвокатском образовании в нарушение п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Поскольку, как прямо указывается заявителем, «С. & ПАРТНЁРЫ» не зарегистрировано в установленном порядке, а значит, вопреки утверждениям представления ГУ МЮ РФ по Москве, не является коллегией адвокатов или иным адвокатским образованием. При этом, согласно указанному закону, адвокаты могут быть членами общественных объединений адвокатов (ст.39). Квалификационной комиссией признано установленным, и никем не оспаривается, что адвокат С. осуществляет свою адвокатскую деятельность в коллегии адвокатов города Москвы «...».

При таких обстоятельствах вывод Квалификационной комиссии о том, что упоминание словосочетания «С. & ПАРТНЁРЫ» (без указания на то, что оно является адвокатским образованием) вводит потенциальных доверителей адвоката С. в заблуждение относительно того, в каком адвокатском образовании он осуществляет свою деятельность, носит характер предположения, и его нельзя признать обоснованным. Каких-либо жалоб по данному поводу в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

По этой причине Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу об отсутствии дисциплинарного нарушения в этой части.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в использовании на сайте адвоката С. наименования «Лучшие адвокаты Москвы» в качестве обозначения одной из страниц, а также заголовка «У нас лучшие услуги», Совет признаёт, что такие заявления причисляют адвокатов, указанных на сайте, к числу которых относится и адвокат С., к «лучшим» адвокатам города Москвы, оказывающим «лучшую» юридическую помощь («услуги»). Несмотря на то, что перевознесение одного или нескольких адвокатов над

другими недопустимо, именно этой цели служат вышеуказанные оценочные характеристики, указывающие на то, что юридическая помощь адвоката С. и других адвокатов, упомянутых на его сайте, лучшая. Отмечая себя и перечисленных на сайте коллег в превосходной степени, адвокат С. дает себе и им оценочную характеристику и сравнивает себя и указанных на сайте коллег с другими адвокатами.

Такое поведение адвоката образует дисциплинарный проступок, поскольку адвокатам «необходимо строго соблюдать требования ст.17 Кодекса профессиональной этики, запрещающей использовать оценочные и сравнительные характеристики» (*Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы. Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. Москва, 2014. С.212*). Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт по данному эпизоду нарушение адвокатом С. требования пп. 1 и 3 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката при использовании на сайте адвоката С. наименования «Лучшие адвокаты Москвы» в качестве обозначения одной из страниц, а также заголовка «У нас лучшие услуги».

Относительно размещения на сайте <...> отзывов А. и С., также признанного Квалификационной комиссией нарушением требований Кодекса профессиональной этики адвоката (пп. 2 п. 1 ст. 17), Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии и считает, что она и в данном случае допустила ошибку в правовой оценке деяния адвоката.

Действительно, информация с отзывами других лиц о работе адвоката недопустима в силу прямого указания п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката. Однако Квалификационная комиссия в своем Заключении справедливо отметила: «...Адвокат С., в числе прочего, является депутатом М. городской Думы и общественным деятелем, о чем многократно указано на его сайте. При этом следует отметить, что содержание отзывов А. («Что?! Как это!!? Я не поверила своим глазам, когда прочитала! Неужели справедливость существует! пусть даже это и не окончание войны над мсз ..., но это огромная победа!!! Е., вы Герой нашего времени, спасибо!!!») и С. («Е.! Вы один из немногих людей, которых я уважаю. Спасибо за честность, смелость, принципиальность!») не позволяет прийти к однозначному выводу о том, что эти отзывы являются именно отзывами об адвокатской, а не об общественно-политической, в том числе депутатской деятельности С.

Как следует из материалов дисциплинарного дела, С. в связи с обращениями к нему как к депутату М. городской Думы жителей районов Н., К.-У. и Не. города М. активно занимался проблемой ликвидации Мусоросжигательного завода № ... (ул. П. д., стр...), что подтверждается направлявшимися им по этому поводу депутатскими запросами от 23 июля 2020 года № ... в адрес Мэра М. и от 01 октября 2020 года № ... на имя прокурора города М. Очевидно, что с результатами именно этой работы связан один из отзывов («окончание войны над мсз ...»), и оба они не имеют никакой смысловой привязки к адвокатской деятельности С. При таких

обстоятельствах Совет не считает возможным привлекать адвоката С. к дисциплинарной ответственности, поскольку она не может наступать на основании предположения.

Дисциплинарное обвинение в размещении адвокатом С. на сайте <...> указания на то, что «Адвокат Ст., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора», Совет признаёт обоснованным. Согласно Разъяснению № 01/19 Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, такая информация относится к разряду вводящей потенциальных доверителей в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи путем ложных заявлений, обещаний и искажения фактов.

Проведенный в ходе дисциплинарного разбирательства анализ процессуальных решений, представленных адвокатом С., вовсе не свидетельствует об удовлетворительных для доверителей результатах, особенно в части оправдательных приговоров.

Учитывая изложенное, утверждение о том, что «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора» содержит намеки и двусмысленности, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей и вызывать у них безосновательные надежды, и поэтому не отвечает требованию пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Рассматривая допустимость размещения адвокатом С. на сайте <...> информации о том, что им «Выиграно 92 % дел. Взыскано 80 % долгов», Совет отмечает, что в соответствии с Разъяснением № 01/19 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, не соответствующая действительности информация о проценте «выигранных» дел является неправомерной.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что оцениваемое утверждение не может рассматриваться лишь как сведения о «положительном профессиональном опыте» по смыслу Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам № 03/16, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 января 2016 года.

В ходе настоящего дисциплинарного производства адвокату С. было предложено продемонстрировать доказательства достоверности утверждений о заявленных результатах оказания им юридической помощи. Однако ни методики подсчета, ни конкретных расчетов и их результатов он представить не смог.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что размещение адвокатом С. на сайте

<...> информации о том, что им «Выиграно 92 % дел. Взыскано 80 % долгов» противоречит пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В части, касающейся размещения фотографии адвоката С. в форме сотрудника ФССП РФ с указанием: «Адвокат С., с опытом работы заместителем главного судебного пристава ФССП ..., поможет вернуть долг через суд», Квалификационная комиссия привела убедительный довод о том, что согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами, однако подобных утверждений текст под фотографией адвоката С. в форме сотрудника ФССП РФ не содержит.

В упоминавшемся выше Разъяснении Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 03/16 отмечено, что адвокат может в Интернете, а также в брошюрах, буклетах и иных информационных материалах размещать сведения о наличии у него положительного профессионального опыта, а также информацию о профессиональной специализации адвоката, что само по себе не противоречит Кодексу профессиональной этики адвоката.

По этой причине, исходя из презумпции добросовестности адвоката, упомянутый текст под фотографией адвоката С. должен рассматриваться именно как указание на наличие у него соответствующего профессионального опыта, а выражение «поможет вернуть долг через суд», вопреки доводам представления ГУ МЮ РФ по Москве, не может формировать мнение потенциальных или реальных доверителей о том, что это будет непременно происходить с использованием адвокатом С. личных связей с сотрудниками Федеральной Службы судебных приставов либо судьями. К тому же размещение на сайте полной информации о предыдущем профессиональном опыте адвоката, в том числе с приведением подтверждения ее достоверности, способствует принятию потенциальными доверителями взвешенного и информированного решения об обращении за юридической помощью конкретного адвоката.

Таким образом, Совет признаёт неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката С. по дисциплинарному обвинению в размещении им своей фотографии в форме сотрудника ФССП РФ с указанием: «Адвокат С., с опытом работы заместителем главного судебного пристава ФССП ..., поможет вернуть долг через суд».

В то же время Совет считает необходимым обратить внимание адвоката С. на нежелательность излишнего ассоциирования адвоката и его профессиональной деятельности с предыдущей работой в правоохранительных органах, в том числе путем размещения на сайте адвокатского образования изображений в форменном обмундировании или указаний на ранее занимаемые должности в правоохранительных органах.

Адвокатура как институт гражданского общества отделена от государства. Её цели достигаются исключительно путем использования полномочий адвокатов, предусмотренных федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и иными нормативно-правовыми актами. Поэтому не только нет необходимости, но и вредно для репутации адвокатского сообщества прямо или косвенно давать повод доверителям полагать, что их права и интересы будут защищаться адвокатом с использованием связей по его предыдущему месту работы в органах государственной власти и управления.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвокату С. за допущенные нарушения, Совет принимает во внимание, что он дисциплинарное нарушение совершил впервые, признал его. Кроме того, часть некорректной информации ранее уже была удалена с сайта. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1, пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1. Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за:

1) нарушение положений пп. 1 и 3 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании наименования «Лучшие адвокаты Москвы» в качестве обозначения страницы <...>, а также заголовка «У нас лучшие услуги» на страницах сайта <...>;

2) нарушение положений пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта <...> утверждения: «Адвокат С., как правило, добивается удовлетворительного итогового решения для своих доверителей, вплоть до оправдательного приговора»;

3) нарушение положений пп. 4 п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в размещении и использовании на страницах сайта <...> информации о том, что им «Выиграно 92 % дел. Взыскано 80 % долгов».

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по представлению ГУ МЮ РФ по Москве от 30 июля 2021 года № ... о прекращении статуса адвоката С. (вх. № ... от 30.07.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии)

адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.